

ТРЕТИЙ СЕЗОН В ГОА 1977-1978

Радость НАХЛЫНУЛА на меня от мысли, что я наконец-то увижу свой дом. Даже непомерный счет адвоката не смог уменьшить моего счастья. Так же как и в первый раз, при виде Анджуны меня переполнили чувства безумной радости от того, что я снова в раю для фриков. Я снова чувствовала себя частью всего этого. Я кричала из окна: «ПРИВЕТ, АНДЖУНА-БИЧ. Я вернулась!»

Мое волнение возросло еще больше, когда я пересекла рисовые поля. Что я увижу в своем доме? Разрушенные стены? Или весь дом был разрушен? Когда оставалось несколько метров, я побежала, чтобы поскорее увидеть все своими глазами. Обежав вокруг дома, я не увидела никаких дыр в стенах.

Все было таким же, как и тогда, когда я уезжала. Ни царапины.

Однако если полиция нашла порнографический фильм, это означало, что они вошли не только в дом, но и попали в мой сейф. Я помчалась отпирать дверь, и дальше, сквозь гостиную, столовую, пока резко не остановилась на кухне. Картины не было на стене, она лежала на полу, но сам сейф казался целым, без повреждений, так же надежно закрытым, как тогда, когда я уезжала. Я изучила стену рядом, которая была за углом в ванной – все выглядело нормально. Затем была кухня. Что это такое? Я заглянула через полуоткрытую дверь. О-о-о! Развороченный металл! Не сумев проникнуть в сейф с лицевой стороны, полицейские нанесли удар через угол, который высовывался в туалете. Толстая сталь гротескно торчала ошметками – словно бомба взорвалась в моем драгоценном сейфе. **МОИ ФИЛЬМЫ!!!**

Фильмы исчезли! Они не просто взяли старое порнографическое немое кино, они взяли их все. О, нет!

И все же, они оставили все остальное. Опиум безмятежно остался лежать рядом с паспортами с истекшим сроком и отчетными письмами. Они даже оставили гашиш, морфий и кислоту.

Лино приехал за арендной платой и объяснил, почему он позволил полиции проникнуть в дом.

– Я рада, что ты позволил им это, – сказала я ему. Ты понятия не имеешь, с каким облегчением я сейчас получаю этот ключ.

Плитки пола приятно охладили мои босые ступни. Мне хотелось целовать все сари, висевшие на стенах, мою платформу, метровую грудку матрасов. Я поднялась на вершину этой кучи и прижала заплесневелую подушку к груди. Дом. Служанка и ее семья помогли мне распаковать все, и к следующему дню дом был готов. Бонг снова занял уважаемое место в гостиной. Рано или поздно мне нужно было пойти в полицейский участок, но в тот момент я просто хотела насладиться приятным чувством возвращения на пляж Анджуны. У Джо Бананы я забрала почту за четыре месяца, съела буйволиный стейк у Грегори и полюбовалась закатом.

Потом я вынуждена была слетать в Бомбей, чтобы привезти еще денег. Я взяла три тысячи долларов из своего банковского сейфа, обменяла их на черном рынке и прилетела обратно.

В этом сезоне я решила поддержать свое здоровье, поэтому поехала в аптеку Paradise в Мапсе и попросила, что-нибудь предложить мне. Они рассказали мне о веществе под названием «электролит», которое применяли беременные женщины при анемии или дизентерии. Я купила его вместе с таблетками кальция и витаминными добавками. Вернувшись на пляж, я купила героина и кокса, чтобы хватило себе и на угощение всех моих друзей.

В течение дня, после нескольких часов, проведенных на солнце и в блужданиях по фли-маркету, я присоединялась к разным тусовкам. Жизнь в Гоа сосредоточилась на посещении гостей. Никто (кроме меня) не сохранял двери закрытыми, и друзья просто заходили и сидели. Дом Алехандро и Джо Банана всегда был полон – это было по умолчанию то место, чтобы затусить, зайдя проверить почту.

– Бум Булинат! – произносили по очереди или одновременно от восьми до пятнадцати бездельничающих человек. Развалившись на афганском коврике, в центре находился Алехандро со своим бонгом.

– Опа... Клео, – пробасил его громкий голос. – Присаживайся, покури с нами бонг.

Если у тебя была своя заначка, то было принято вынуть ее, первый раз покурить самому, а потом угостить всех остальных. На ковре всегда было по крайней мере одно зеркало для кокса. Авторитеты делали дорожки для всех, но предлагались они в первую очередь Алехандро и сидящим с ним рядом. Я зарядила бонг для каждого и

нарезала дорожки всем. Мне нравилось чувствовать себя успешным жителем Гоа. После бизнеса в муссон нас ждали вечеринки.

Александро окружала куча приятелей, которые жили с ним и исполняли его поручения. Эта группа состояла из тех, кто оказался в затруднительном положении и кто был заинтересован в том, чтобы участвовать в свободном потоке наркотиков и частых банкетов. На этот раз я заметила Питера из Голливуда, который всегда сидел по правую руку от Александро,. Он всегда несся к Джо Банане, когда Александро басом кричал: «Сок! Что, у нас опять нет сока?»

– Питер, подожди, – позвала его я, удерживая зеркало. – На-ка, занюхай дорожку, чтобы одной ногой здесь, а другой уже там.

А я продолжала подготавливать бонг. Мне нравилось наблюдать глаза тех, кто сидит поблизости в ожидании своей очереди.

– Вы должны увидеть красный Будда-бонг, который я купила в Канаде, – объявила я, вываливая еще больше кокса на зеркало. – Почему бы вам всем не навестить меня позже?...

– А вы слышали новость? – спросила Джорджет, принимая бонг, который я ей подала. – Они проводят электричество к пляжу.

– Лино, мой владелец, уже сказал мне, – ответила я. Только я поверю в это, когда увижу это своими глазами. Это будет, скорее всего, как с тем мостом, который они строят уже в течение пятидесяти лет.

– Нет. Они уже натягивают провода, – сказала норвежка Моника. Я видела их.

– Электричество! Это испортит пляж, – заявил эмоционально Пол.

Оставив Александро, я направилась вглубь деревни, чтобы поужинать в ресторане у Грегори. Я заказала похлебку из лобстера – блюдо дня, которое было написано с ошибками, и присоединилась к другим друзьям, сидящим за шатким столом. В конце сидела Эшли в соломенной шляпе с пером в полметра длиной.

– Грегори мог бы подать этого лобстера и без панциря, если ты его об этом попросила, – сказал Дэвид, сидящий напротив тарелки с гигантским ракообразным. А вы знаете, что актиния на самом деле не является цветком, а составлена из отдельных сгруппированных полипов?

Скинув со стола проползающую рядом с моей тарелкой гусеницу, я уселась поудобнее, приготовившись к трапезе. Не успев открыть рот, я тут же чуть не поперхнулась, когда увидела, кто проглатывался невдалеке.

– Эй, эй! Нараян! – крикнул кто-то с другого столика.

Эшли и я молча обменялись взглядами.

– Похож на твою Немезиду с Бали, – сказал Дэвид. Они знали мою историю с Нараяном. К этому времени Дэвид тоже сидел на героине, и поэтому мысли о Нараяне, выбросившем мой фунт гердоса в океан, заставили его забыть о лобстере.

Нараян сидел за столом напротив нас. Увидев меня, он послал мне кривую улыбку. Моя ярость к нему вернулась с полной силой. Гнев и разочарование, которое он вызвал, не уменьшились со временем ни на грамм. Я не была отомщена.

Мы сидели так, что наши взгляды встречались снова и снова. Я мечтала раздавить об его нос картофелину на своей острой вилке. Как я могла иметь дело с Нараяном?

– Все, с меня хватит! – сказала я, отодвинув свою тарелку. – Кто готов удолбаться героинчиком?

Я долго не носила оранжевое одеяние саньясина. Я вообще никогда не носила много одежды в Гоа, а то, что мне нравилось, не было оранжевого цвета. Так как мала не подходила к голубому или зеленому цвету, я убрала его в сейф, в котором была огромная зияющая дыра.

Приспособившись к жизни в Анджуне, я решила встретиться и поговорить с инспектором полиции Панджима, Навелкэром.

Полицейский участок Панджима состоял из низких зданий с внутренним двором, заросшим кустами.

Поднявшись по скрипучей деревянной лестнице, куда меня направили, я представилась инспектору Навелкэру. Он не оставил меня стоять в прихожей, как это было типично для индийских бюрократов. Если адвокат и не сделал ничего особо стоящего, то, по крайней мере, он показал мне, как в Индии работает система каст и статусов.

Во время того, как инспектор Навелкэр и я болтали, половина полицейского участка нашла причину засунуть голову в дверной проем, чтобы посмотреть на «хиппи». Инспектор хорошо отнесся ко мне, хотя и не верил ни единому моему слову. Очевидно, они прочитали письма в моем сейфе, некоторые из которых разоблачали мои аферы с наркотиками и незаконными деньгами. Я была недалновидна и не извлекла урока после Австралии.

Что я могла сказать инспектору? Он изучил мои тайны. Я могла только лгать и лгать, стараясь несильно его этим оскорбить.

– О, да, я написала это, – отвечала я на вопрос о канадской афере. – Это мои фантазии.

Я подмигнула инспектору, понимая, что он знает всю правду, и пожала плечами, как бы извиняясь за то, что у меня нет другой альтернативы, кроме как лгать. Я не хотела подставлять его. Он казался хорошим человеком. Он просто делал свою работу. Я не хотела задевать его самолюбие.

– Ах, фантазия! – подмигнув мне, ответил он. – Наверное, часть о том, как ты заработала двадцать тысяч долларов с продажи гашиша в Австралии, тоже фантазия?

– Ну да. Я хотела произвести на своих друзей впечатление по возвращении домой.

Он сделал паузу, а я пожала плечами.

– Вы утверждаете, что это неверная информация. Правда?

– Правильно. Я никогда не делала это. Я все это выдумала, – подрацки улыбнувшись, ответила я инспектору Навелкэру, и он улыбнулся мне в ответ.

– А Лаос и тюбик из под зубной пасты?..

– Это все мои выдумки, – ответила я, подняв брови, словно прося прощения.

– Так вы говорите, что не делали ничего того, о чем говорилось в письмах?

– Да, все верно, – ответила я, и мы улыбнулись друг другу.

Не было никакого смысла больше говорить об этом. Он заказал мне чай, и это было концом допроса.

– Я могу получить свои фильмы назад?

– Да-да, нужно только закончить с простой формальностью.

Я уже была готова к тому, что индусы называли «простой формальностью», и, вздохнув, поняла, что мне предстоит пройти испытание. Проклятый Джулиано. Даже просто оплатить штраф было непросто, так как никто не знал точно, где находятся бланки, или кто должен был их заполнить, и по какой статье я должна была быть оштрафована. Я потратила весь день в участке. Я провела там довольно много дней. Главным образом, проблемы были в том, чтобы найти нужный кабинет, или нужного человека, или нужную печать, и все это нужно было сделать в определенный день недели и в определенное время. И затем, когда все было найдено... «Эй, куда он ушел?» – «Он в отъезде. По личному делу. Вернется завтра».

Так или иначе, но каким-то чудом я вернула себе фильмы (кроме порнографического), и инспектор Навелкэр стал мне «другом по процессу».

– Привет, – сказала я, вежливо постучав в его офисную дверь.
– Хочу сообщить, что я забрала свои фильмы. Спасибо за вашу помощь.

Он широко улыбнулся и встал.

– Так, значит, теперь это дело закончено?

– Да, еще раз спасибо. Вы были очень любезны. До свидания.

Всего лишь через три с половиной недели проживания в Гоа мне нужно было снова поехать в Бомбей за наличкой. На сей раз я забрала четыре тысячи долларов из сейфа. Ой-ой-ой, с такой скоростью мои деньги долго не продержатся. Дебил не ошибся, говоря, что двадцать тысяч долларов – это недостаточная сумма. Наши привычки могли проглотить эту сумму за миг. Хорошо, Клео, возможно, пора тебе притормозить с коксом, сказала я себе.

Тем не менее, мой дом стал главным притоном в Анджуне. Он был большим, в нем было много матрасов, покрытых атласом, и у меня всегда были наркотики. Я чувствовала себя просто супер. Друзья и незнакомцы собрались вокруг меня. Даже Дэвид и Эшли присоединились к моей тусовке. По дороге на приватное пати или на пляжную вечеринку гоанские фрики заходили ко мне, чтобы задохнуться по дорожке кокса или же просто добавить блесок на лицо.

– Нанеси мне немного блесок на глаза? – периодически просил Дэвид. – И на волосы тоже.

В том году слухи обо мне распространялись в большом количестве. Сначала была история, что я кинула Джулиано. Даже те, кто слышали мою версию, казалось, не верили до конца в мою невиновность. Но когда в нашей тусовке появился Дебил, его рассказы добавляли сплетням подтверждения. Второй человек рассказывал, что я кинула его. Попытайся теперь доказать, что ты не верблюд!

С негодованием я пыталась всем что-то объяснять, но стало очевидно, что я не смогу избавить всех от сомнений, раз начались такие обвинения. Тогда я стала смотреть на это по-другому. Вы только вообразите, они полагали, что одна маленькая я кинула двух крепких бывалых парней и вышла сухой из воды. Невыполнимая цель в таком случае – что-либо доказать. Всеобщее непонимание привело к тому, что я просто стала наслаждаться своей репутацией.

В очередной раз летя в Бомбей, чтобы забрать еще пять тысяч долларов, я думала, что надо бы завязать с коксом. Когда я увидела, что кучка денег значительно уменьшилась в моей коробочке, я

пообещала себе, что не буду покупать больше ни грамма кокаина, иначе останусь нищей еще до конца сезона.

Вернувшись в Гоа, я вырубилась себе грамм кокаина еще до того, как добралась домой.

Нил с Ив и дочкой вернулся после беспрецедентно неприбыльного муссона. Нил был не в состоянии послать деньги, чтобы зарезервировать свой дом, и его владелец сдал его кому-то другому. Единственное место, которое они смогли найти, было темной комнатой в северном конце пляжа с другой стороны дороги. Неудобно, некрасиво, да к тому же уродливо. И все это из-за преследующей их бедности.

– Ничего себе, как выросла ваша Махара! – сказала я, входя в их лачугу.

– Она не выговаривает свое имя. Она называет себя «Ха», – прошептала Ив, уставившись куда-то в пространство.

– Привет Ха! – сказала я, переступая через двигающуюся цепочку муравьев, ведущую к яме с отбросами манго.

Что-то плавало в ногах, в стакане с лимонной водой.

Нил смотрел на меня. Волшебство все еще ярко мерцало между нами. Но теперь мы друзья. Мы были только друзьями. Я поклялась держаться от него подальше, а он поклялся быть с Ив и ребенком. Мы всего лишь были друзьями. Он казался несчастным.

– Я был так рад твоей телеграмме из Канады с вопросом о деньгах, – сказал он. – Нам тогда худо приходилось. Но когда я позвонил в твой отель, мне ответили, что ты уже съехала.

– О, нет! Прости. Дебил сказал, что Джулиано преследует меня. Поэтому я переехала. Вот дерьмо! Я подвела своего друга. Бизнес во время муссона не задался?

– Ничего, – ответил он, тряхнув челкой. – Я все еще надеюсь получить известие от своих контактов в Калифорнии. Как только я их получу, сразу начну что-нибудь.

– Прости, что переехала в другой отель, – сказала я, чувствуя себя предателем. – Я ждала известия от вас, затем подумала, что вы уехали на какую-нибудь аферу.

Что-то ползло по моей ноге, но Ив наблюдала за мной, поэтому я проигнорировала это. Мне подумалось, что убив жука, я покажу свою невоспитанность.

– Я позвонил, как только у меня появилась такая возможность, – сказал мне Нил.

– О! – шлепнула я себя по ноге, надеясь, что избавилась от жука. – Я так сожалею! Ползучая тварь все еще держалась на ноге. Вот же не вовремя!

Угнетающее посещение. Я очень не хотела видеть Нила в таких ужасных условиях. Я скучала по его счастливому смеху и его веселым историям. Шагая через рисовые поля, домой, я осознала, что Нил не предложил мне ни одной дорожки, никаких наркотиков. Не прозвучало ни одного до боли знакомого звука лезвия об стекло: «щелк, щелк... клик, клик».

После этого я старалась чаще видеть Нила, чтобы угощать его своими наркотиками. Во время одного посещения я услышала возле крыльца голос Сержа. Серж! Я ждала полгода, чтобы увидеть его. Я могла обойтись без Нила, могла и без Нараяна, но Серж другое дело. Мой Серж вернулся!

– Привет, мисс Клео.

Он сбросил свой розовый шарф с плеча. Какой же симпатичный. Он сидел рядом со мной. О, какие же у него большие карие глаза! Мне хотелось просто наброситься на него.

– Я добрался сюда лишь прошлой ночью, – сказал он.

– У тебя был хороший муссон?

– Да, а у тебя?

– Да, я была в Москве и Корее.

– Это хорошо, – ответил он опустив глаза, и мы захихикали.

– Как твой дом?

– Прекрасно.

– Я рада.

Мы улыбнулись друг другу и болтали еще какое-то время.

– Как жизнь?

– Прекрасно.

– Очень хорошо.

Тогда я спросила, где он остановился, и он рассказал мне о французенке.

– Я здесь с французской девочкой, – сказал он. – Она ни разу еще не была в Индии. Я встретил ее во Франции, и она помогла преодолеть мою тоску к тебе. Ты знаешь, я был очень расстроен из-за тебя. Она помогла мне справиться с этим.

У моего Сержа была подруга, да она еще и жила с ним! Я ничего не могла произнести, только молча уставилась на него и смотрела. – Ты сделала меня таким несчастным, когда пропала, – продолжил он. – Я не знаю, что бы я делал без нее.

Я не собиралась возвращать своего Сержа. Он использовал бы свою француженку как щит от меня.

– Я должен ей много, мисс Клео.

О, у моего Сержа была подруга!

– Я действительно нуждался в ней, чтобы преодолеть печаль расставания с тобой.

Преодолеть меня! Как будто я прошлогодняя эпидемия гриппа.

Ворона с шумом приземлилась на крыльцо, ища, что бы схватить из еды, а я выдохнула сдерживаемый воздух в легких, как только Серж отвел от меня глаза. Чтобы сменить тему я, достав свою серебряную коробочку для заправки, спросила: «Все хотят по дорожке?»

Вскоре мне снова пришлось совершить поездку в свой банк.

Событием этого сезона стала свадьба Джиджи и Марко.

В течение многих лет француженка Джиджи и итальянец Марко жили в одном из самых больших домов Гоа на дороге между Анджуной и Калангуттом. У Джиджи и Марко уже была пятилетняя дочь, и никто не понял, почему они захотели пожениться. Странные свадьбы были редки. По сути, свадьба Джиджи и Марко была единственной за все время, что я помню. Государственный чиновник провел церемонию брака в Мапсе, а я снимала все это на киноплёнку. Я снимала все важные дела на пляже Анджуны.

Той ночью должен был быть большой банкет. Сима и Бернад, французские друзья Марко, резали ягнят, один за другим, весь день, во внутреннем дворе в центре дома. Они освежали животных, вставив велосипедный насос в разрезы на телах, таким образом, что тушки надулись, а воздух просачивался сквозь отверстия в плоти.

Мертвые животные, раздутые до гротескных размеров, лежали на мозаичном полу, а кровь струилась в разные стороны.

Серж, как главный по барбекю, приехал рано, чтобы разжечь огонь. Я очень не хотела видеть его. Я не могла переносить то, что мы находимся в одном месте, но порознь. Он улыбнулся мне глазами, подведенными сурьмой. Ох! Той ночью люди стекались со всех пляжей. Танцоры и просто гости, сидящие на циновках, занимали все пространство вокруг дома.

– Бум Булинат! – периодически кричала толпа анджунцев, зажатых во внутренней части двора.

Внимание на открытом воздухе сосредоточилось на Серже и дюжине ягнят, которых он жарил на огне. Казалось, что они готовились целую вечность. Чем дальше, тем вкуснее все это пахло, и люди начали жаловаться на голод.

– Давай же, наш друг Серж, мы жадно ждем продовольствия, – сказал Дэвид.

– Ого-го, мальчик, что за волшебный запах! – сказала норвежка Моника.

– Давайте, кладите вашу чертову еду на тарелки, – крикнул бомбейский Брайан, который прилетел специально по такому случаю. – Эй, Клео, что произошло с твоей проклятой оранжевой одеждой?

Наконец-то мясо было снято с огня и уложено на банановые листья. Мы должны были сами срезать мясо с костей. Я позаимствовала чей-то карманный ножик и протиснулась в круг, где девять человек, толкая друг друга локтями, отрезали куски мяса. Один человек держал ягненка за ножки, а другой тянул в другую сторону за шею.

– Давай я здесь отрежу тебе кусочек, – произнес Серж. Его кудри были покрыты пеплом и пахли дымом. Он наклонился и схватил бедро ягненка. Я хотела коснуться его и не могла отвести взгляда от красного струящегося шелка на его спине. Поднявшись, он вручил мне кусок мяса. Сок побежал по моей руке и закапал с локтя, когда я вцепилась в него зубами. Серж был очень близко ко мне.

– Как тебе это, мисс Клео? – сказал он мягко.

– М-м-м-м-м-м, – пробормотала я, думая больше о нем, чем о еде.

Кто-то попросил у него нож, и он наклонился, чтобы отрезать другую часть.

– Видимо я не разбираюсь в барашках, – сказала я ему, когда он поднялся.

– Разве он не прожарился? – Его шарф скользнул по моей руке. – Ну вот, а все жаловались на то, что не могут подождать еще пару минут.

Вскоре он понадобился кому-то еще в другом месте. Я знала, что его французенка скрывается где-то поблизости. Я не хотела встречаться с ней. Зайдя в дом, я насыпала себе на зеркало здоровую кучу кокса, потом присоединилась к курящим бонг и затем, несчастная, вернулась домой, думая о Серже.

Я в последний раз съездила за деньгами в Бомбей. Все закончилось. Банковский сейф опустел. У меня снова возник план. Неплохо было бы повернуть свою собственную аферу на следующий муссон.

Но хуже всего было то, что теперь на те деньги, что у меня остались, я не могла больше себе позволить купить ни грамма кокаина. Даже героина, купленного на эти деньги, мне хватило бы ненадолго.

Однажды я услышала, что вернулись Джанки Роберт и Тиш. Аллилуйя! Они были должны мне деньги с моих инвестиций. Я спасена! Прибежав к ним домой, я застала их распаковывающими вещи.

Роберт, зависая, балансировал с полузакрытыми глазами над кучей разбросанной одежды.

– Привет. Как прошел ваш муссон? – радостно спросила я, заходя.

– ...А, новое окно, – воскликнул Роберт, внезапно придя в себя. – Кто это сделал?

– Привет. Слышала о нашем бегуне? – спросила Тиш.

– Нет, расскажите мне.

– Она оказалась тупой душой, – произнес Роберт, окончательно проснувшись. – Не надо было нам нанимать кого-то, кто раньше никогда не перевозил товар. Какая идиотка!

– Что произошло?

– Она испугалась. Решила, что не сможет это сделать, – объяснила Тиш.

– Причем она поняла это после того, как села на самолет. Когда он приземлился, она выскочила из аэропорта, оставив чемоданы крутиться на ленте багажа.

– Вы прикальваетеесь?!

– Тиш должна была там ее встретить. Я никогда не отправлял товар из Бомбея, – медленно произнес Роберт, с одним закрывающимся глазом.

– Я наблюдала, как наши чемоданы крутятся по кругу, – добавила Тиш. Другие пассажиры разобрали свой багаж, а наш продолжал кружиться. Что я могла сделать? Я была за пределами таможенной зоны и смотрела на это через стеклянное ограждение. Я не могла получить их.

– Это, должно быть, было обидно.

– Это была настоящая пытка, смотреть на это. Я бы прорвалась туда, если б могла.

– И что же произошло?

– Полиция арестовала ее в отеле на следующий день, – сказал Роберт, изо всех сил пытаясь открыть один глаз.

– Почему?

– На чемоданах было ее имя. Конечно же, власти заподозрили неладное, когда кто-то не забрал свой багаж. Они обыскали их.

– И что же, ее арестовали?

– Все было бы хорошо, если бы она сделала то, что должна была сделать. Они никогда бы не стали открывать сумки.

– Вы вытащили ее из тюрьмы? – спросила я у Тиш.

– Я навещала ее. Принесла ей пятьсот долларов и наняла адвоката. В общем, у нас нет денег для тебя.

О нет! Я не была спасена.

– Ну а что относительно второй женщины?

– Она не решила наших денежных проблем, – сказала Тиш. Ее ходка всего лишь покрыла наши расходы, но мы не получали прибыли.

К этому времени Роберт снова подвис, и его оба глаза снова закрылись.

– ... В парашюте, – произнес он снова в бреду.

– Мы вернем тебе твои вложенные деньги, – стала уверять меня Тиш. – Но не сейчас. У нас хватит денег лишь чтоб прожить до конца сезона. Возможно, отдадим через несколько месяцев. Не волнуйся, Клео. Мы не забудем про тебя.

Голова Роберта снова упала вперед, вернув его в сознание.

– А, что, где...? – спросил он, не понимая, где находится.

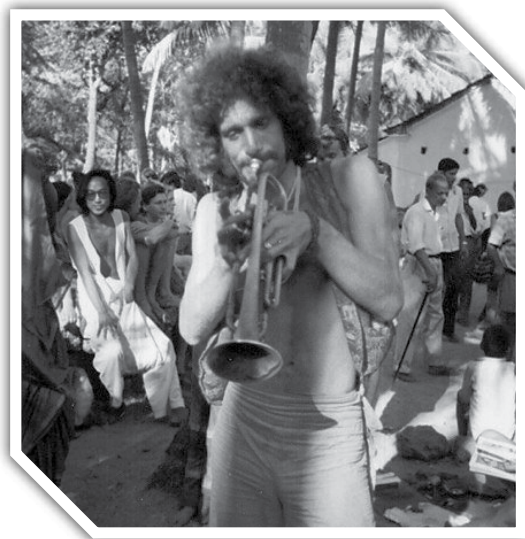
Ресторан «Три сестры» был единственным местом на пляже Анджуны, где готовят шоколадный пудинг. Эта вкуснятина стоила дешевле, чем еда в ресторане у Грегори, поэтому я начинала обед с похода за пудингом.

Войдя в ресторан, я села напротив Жака из Канады.

– Ну, как сегодня пудинг? – спросила я, пригладив волосы.

– На мой взгляд, сегодня немного жидковат, – ответил он, оторвавшись от лакомства.

Внезапно я почувствовала, что заморожена его длинными, до талии, волосами, изящно спадающими с плеч. Одет он был в бархатную одежду темно-зеленого цвета. Серебряные драгоценности свисали с его шеи и запястья. Для послеобеденного занюхивания он использовал серебряную ложечку с изображением носорога, удобно черпая ей из коробочки, также сделанной в форме носорога. У Жака был стиль, и мы с ним сошлись. Я проводила все дни у него.

Трубач Стив

Больше не балуясь коксом, я сосредоточилась исключительно на бонге. Так делал и Жак. Мы оба еле двигались в жарком мерцании керосиновой лампы, которая едва освещала бонг и небольшую область вокруг нас. При необходимости мы мчались к колодцу, обливались водой и быстро возвращались назад. Мы отлично подходили друг другу. Никто из нас не хотел оставаться без наркотиков даже на пять минут. Питание мы получали от быстрых поездок до ресторана «Три сестры», после чего мы мчались обратно, чтобы скорее накуриться. Когда выпала одна из моих золотых коронок, Жак приложил максимум усилий, поехав со мной к дантисту в Панджим. Но когда я решила навестить в полицейском участке инспектора Навелкэра, чтобы всего лишь передать привет, Жак ни в какую не захотел со мной туда заходить.

Тот год принес и смерть пляжу. Подруга Фараона, Шер, умерла во время родов. Индийское правительство настаивало, чтобы ее тело было отправлено назад на родину. Мысль о захоронении гоанского фрика далеко от ее гоанского дома встревожила всю фриковскую тусовку.

– Кто-нибудь слышал что-то новое о Шер? – спросил как-то Жак меня и других гостей, сидящих вокруг бонга.

– Они не должны отсылать ее назад! – сказала я, выдыхая полные легкие героинового дыма. – Я бы не хотела, чтоб такое произошло со мной.

Не могу представить ничего хуже, чем традиционные похороны в Нью-Йорке. Нет, нет, нет. Гоа был ее домом. Она должна остаться здесь, с гоанскими фриками.

– Быть похороненным на Западе, до чего же ужасная мысль, – добавил Жак. – Это не то, к чему я принадлежу. Я никогда не принадлежал им, и я не хочу быть их частью даже после смерти.

– Да, чувак.

– – И я тоже.

– Правильно.

Католики Гоа запретили кремацию, но это был единственный способ препятствовать тому, чтобы Шер была послана в мир, от которого она сбежала.

Следующим днем тело Шер было уложено и покрыто от шеи до пальцев ног желтыми цветами. Благовония и музыка ситар заполнили комнату, потому что гоанские фрики не прекращая приходили попрощаться с ней.

– Ого-го, чувак, как это все печально.

– Ну разве она не красавица?

– Роберт, хватит виснуть, проснись!

Затем мы разошлись по окрестности, чтобы собрать дров для кремации.

Возвращаясь с охалками выброшенных на берег сухих палок и кокосовой шелухи, Жак и я столкнулись с другим «человеком-герморроем», от которого были одни лишь проблемы.

– Это... того... я нашел это бревно на пляже, но оно мокрое, – сказал, улыбнувшись мне Дебил. Я улыбулась ему в ответ. Гоанские фрики не держали долго обиду. Мы были частью какого-то интимного сообщества, где нормальные, человеческие чувства брали вверх над мелким обидами.

– Дебил, тогда оно не будет гореть, – сказал Жак, – но, в любом случае, добавь это к общей куче. Очень важно, что в огне будет часть от каждого из нас.

Перед закатом Фараон уложил Шер на деревянную платформу. Вместо спичек он использовал солнечный свет и лупу, и развел огонь. Так как его дом был расположен на холме Джо Банана, дым и огонь можно было увидеть с любой точки пляжа Анджуны. Фрики Гоа были удовлетворены. Мы не позволили, чтобы правительство

отправило ее назад. Позднее Фараон развеял прах Шер в воздухе, позволив ему упасть на пляж, который она назвала своим домом. Он взял себе ребенка и ответственность за двух сыновей Шер.

Несколько дней спустя, делая покупки в аптеке Paradise, я заметила стопку пластиковых мешков с глюкозой, которые использовались в больницах для капельниц. Блестящая идея осенила меня.

– Жак, Жак, – взволнованно сказала я, дергая его за бархатный рукав. – Как на счет глюкозной вечеринки?

В ответ он бросил на меня хмурый французский (французско-канадский) взгляд.

– Нет, правда, – продолжала я. Все выглядят такими тощими в последнее время и настолько упавшими духом. Это, то в чем сейчас многие нуждаются! – сделав паузу, добавила я. – Я не хочу быть следующим претендентом для кремации.

Недолго думая, я купила пятнадцать пакетов глюкозы, столько, сколько Жак и я могли унести. Я также купила длинные иглы для капельниц и другие принадлежности, такие, как вата и спирт. Это должно было быть грандиозным событием. Возможно, я не могла позволить себе кокаин, но я могла все еще сделать что-то захватывающее. Хотя глюкоза и не опьяняла нас, она могла поправить наше здоровье. Развлекаясь, мы с друзьями могли бы стать немногочисленными.

Вернувшись в дом, я решила, что для пати лучше всего подойдет спальня, потому что там был низкий потолок, а крыша, с наклоном к центру, была в двух местах пересечена горизонтальными балками. На них я планировала подвесить капельницы. Жак не разделял мой энтузиазм по поводу этого проекта.

– Не слишком ли ты серьезно относишься к этой глюкозной вечеринке? Я вот не знаю, не думаю, что кто-либо придет на нее.

– Я уверена, что все придут. Ты увидишь, это будет круто.

Несмотря на нехватку веры, Жак помог мне повесить мешки с глюкозой на горизонтальные балки, размещая их между лаосским свадебным балдахином. Под пакетами с глюкозой мы устроили пятнадцать лежаков. Я пригласила гостей, только тех, кто имел опыт с внутривенными инъекциями. Так, кто у нас использовал иглы? Джанки Роберт – да, но Тиш – нет, таким образом, я не пригласила их. Ив – да, но Нил был против игл, таким образом, я не приглашала их также. Норвежка Моника – нет. Саша – да. Дебил, конечно же. Жак никогда не ставился, но он может попробовать, а я как хозяйка не собиралась участвовать.

– Глюкоза-пати... да никто не придет, – покачав головой, произнес снова Жак.

Но они пришли. Ни один не отказался. Первая глюкоза-пати началась на пляже Анджуны. Она должна была продлиться три часа. Столько требовалось времени, чтобы вся глюкоза прокапала в вену. Я принесла наверх стерео-систему. Закуски подавали из чай-шопа. Но тут у нас возникла проблема. В отличие от шприцов, с их короткими иглами, капельницами никто не умел пользоваться. Не было поршня, как у шприца, чтобы втянуть кровь, и поэтому трудно было понять, в вене ли игла (возможно, мы просто не знали, как это работало). Жидкость текла только в одном положении, а так как пакеты висели высоко, к тому моменту, как она достигала вены, она текла очень быстро.

– Эй, вот это меня вмазало! – сказал один гость, наблюдая, как под его кожей жидкость набухла большой шишкой.

– Это... того... меня тоже... Как ты узнаешь, что находишься в вене?

– Я не знаю, КУДА эта глюкоза идет, но она определенно НЕ входит в мою вену.

– Эй, эта шишка становится действительно большой.

– Вот дерьмо, чувак!

– Как ты останавливаешь эту хреновину?

Только у Алехандро игла попала в вену. Остальная часть моей тусовки разошлась по домам.

Позже той же ночью Жак спросил меня: «Что ты собираешься делать со всей этой глюкозой, свисающей с потолка?» Он старался сдерживать улыбку.

Мне было ужасно жаль, что я не могла угощать всех кокаином.

А затем произошло чудо электричества. Рабочие провели линии электропередачи через рисовые поля в мою небольшую деревню. Хотя они уже установили линии на холме Джо Банана и во внутренней области, я не думала, что они достигнут моего изолированного участка возле песка, который состоял только из восьми зданий и двух чай-шопов. Но они сделали это. Лино, владелец, проконтролировал, чтобы провод был проложен непосредственно к моему дому. Грэм, мой английский сосед, и гоанцы, живущие через дорогу, собрались, чтобы понаблюдать за этим событием. Мы с Жаком держались за руки. А когда электрик спустился по лестнице, мы хлопали.

На следующий день Лино послал электрика, чтобы сделать внутреннюю проводку в доме. Так как наша область была последней, ток вскоре побежал по проводам. Грэм пришел сообщить мне об этом.

– Вы попробовали уже?.. – радостно спросил он.

– Электричество? Оно уже есть? Йо-хо! – Я подошла к коммутатору, установленному в двухэтажной гостиной, щелкнула им, но ничего не произошло. Грэм, Жак и я уставились на лампочку, словно призывая ее включиться.

– Она не работает, – сказала наконец я в разочаровании.

– Линия работает, – сказал Грэм, пристально всматриваясь и вытянув шею. Ваши лампочки пока что находятся далеко. Потолок слишком высокий.

– Я думаю, что электричество есть, – сказал Жак, поднявшись по лестнице к самой лампочке, чтобы рассмотреть ее. Грэм и я присоединились к нему на площадке второго этажа.

– Смотри!

– Что смотри? Я ничего не вижу.

– Посмотри поближе. Смотри, видишь оранжевую линию? Это нить накаливания.

– Вау! Это работает. У меня есть электричество!

Я кричала и танцевала, спускаясь по лестнице. Грэм сделал в честь этого бонг.

– Не очень-то полезное, но оно есть, – отметила я, когда мой восторг немного спал. – Это электричество не делает того, что должно. От него нет нормального света.

– Ну, есть всего лишь крошечная электростанция, и у всех на пляже, вероятно, есть уже огни. Ночью, может быть, лучше видно.

Не откладывая в долгий ящик, я помчалась в Мапсу за новыми лампочками и заменила двухсотваттные на тридцативаттные. Это не помогло. С сумерек до полуночи электричество было бесполезно. Только небольшое оранжевое свечение в центре лампочки подтверждало присутствие тока. Это не давало света вообще. Тем не менее, после полуночи свет становился все ярче и ярче, и в пред-рассветные часы дом уже освещался. До полуночи я нуждалась в керосиновых лампах, но после у меня было свое электричество. Я немедленно переделала будуар в кинотеатр. Я нарисовала белый прямоугольник в центре синей стены, который заменял экран, и, добавив больше синих и зеленых матрасов, установила проектор на синий стол. До сих пор я показывала фильмы только в Бомбее.

Так как я прекратила угощать коксом каждого посетителя, множество нетерпеливых носов прекратили меня посещать. Я скучала по вниманию. Почему бы не устроить «Ночь Кино»?

Я пригласила всех, даже Нараяна. Живя с ним на одном пляже, я решила поступить с ним, как с другом, ну или, по крайней мере, как с псевдо-другом. Кроме того, таким образом, я смогу показать ему мой дом.

– Привет, друг Нараян. Добро пожаловать в «Ночь Кино», – сказала я, открыв ему дверь.

– Друг? – спросил он нерешительно.

– Друг, – ответила я, взяв его за руку.

– Проходи, зацени мой смывной туалет.

Потянув его сквозь толпу, я взяла его в турне по своему дому. Я показала ему туалет и сейф позади картины. – Вот где я держу свои наркотики. Надежный, прохладный, и в безопасности.

Я не стала открывать секретную дверку, чтобы не показывать развороченную дыру в сейфе, а потащила его наверх, похвастаться линолеумом.

– Разве это не красиво? – спросила я, приняв позу мамы. – А у тебя какой в доме пол?

– У меня старомодный стиль, пол в моем доме – это земля, покрытая сушеным навозом.

– Эх, – произнесла я в ответ, сделав жалостливое лицо.

Дверной звонок звонил почти не переставая. Прошлогодний звонок валялся среди мусора, потому что полностью проржавел за сезон дождей.

– Эй, Шериф ЗДЕСЬ!

Темнокожий Джимми появился традиционно со звездой на груди.

– Джимми! – воскликнула я. – Привет, проходи.

– Привет, мисс Клео, – сказал следующий гость.

– Серж!

– А это мисс Мирей.

Эта его французенка! Вот дерьмо!

Так как у меня не было своего собственного кокса, я затусовалась среди людей, у которых он был. Я приняла предложение разнюхаться у Симы, затем посидела с Алехандро, затем присоединилась к амстердамцу Дину. Я баловалась общей заначкой, наслаждаясь своей ролью – хозяйки сегодняшней вечеринки.

Когда огонь в лампочке ярко загорелся, я поняла, что пришло время показывать кино. Толпа набилась в мой «кинотеатр», чтобы

присоединиться к просмотру. Я любила показывать фильмы, где я была с Нараяном. Но в сорокаминутном фильме он был не единственным героем.

– Посмотрите, Анджуна была тогда еще совсем ребенком, – сказала Лора во время просмотра.

– Те замки, в которых мы жили, в Kaiya Waiya, были так далеко, – сказал трубач Стив.

– Эй, а разве у тебя нет кадров с Шерифом?

– Не в Бали, – сказала я Джимми. – Ты покинул страну раньше, чем я начала снимать. У меня есть ты в Бангкоке.

– А у тебя есть съемка нашей свадьбы? – спросила Джиджи, сидя на коленях Марко, и нежно обняв его за шею.

– Нет еще. Я оставила их в фотоателье, в Бомбее, во время моей последней поездки в банк. Их посылают за границу для проявки.

– Снова показывают игру в покер, – кто-то добавил.

– Гляньте-ка, Серж демонстрирует, как свиньи используют туалет! – Все заплодировали, когда увидели, что Серж снял трусы и сел на корточках.

Рев разбудил даже Джанки Роберта.

– ... Я не делал этого, – воскликнул с негодованием Серж.

– Была игра в покер, и, по-моему, ты, Дэвид, проигрывал тогда.

– Да, признаюсь, что тогда мне нужно было закончить игру, – ответил Дэвид. Эшли элегантно сидела рядом с ним на подоконнике, а ее нефритовый мундштук изящно завис в воздухе.

– Ого-го, чувак, смотри, Дебил занюхивает дорожку.

– А где, кстати, сейчас Дебил? – спросила я, только сейчас заметив его отсутствие.

– Последний раз я видела его под кроватью.

– Под кроватью? М-м-м... о как.

Я помнила о его таланте создавать хаос. Лучше бы пойти посмотреть, что с ним. Войдя в спальню, я увидела огромную гору в центре комнаты. В паранойе кокаинового угара Дебил сполз под кровать и залез не только под матрасы, лежащие на полу, но даже под ковер. Какой ужас заставил его красться в воображаемых подземельях, переворачивая столы вверх дном? Гора розовых и фиолетовых атласных покрывал дрожала. На вершине этой горы дрожали подушки.

– Дебил? Дебил, это ты что ли?

– Я в порядке. Это... того... не волнуйтесь обо мне. Это... того... Это... того... Это... того, – только и могла слышать я приглушенный

голос, доносящийся из-под слоев матрасов, ковров и покрывал. Помня, что произошло в прошлый раз, когда он чуть не разрушил мой дом, я попросила Алехандро о помощи.

– Эй, Дебил, que pasa?

В ответ мы слышали неразборчивое мычание. Нам пришлось напрячь слух, чтобы интерпретировать ответ:

– М-м-м-мф-ф-д-дм-м, это... того... мд-ф-ф-ф, это... того... все хо-рошо.

Усевшись в кресло-качалку, Алехандро убедил меня не волноваться, сказав, что он будет присматривать за Дебилем и не даст ему ничего разрушить. Пожав плечами, я оставила огромного испанца качаться одного в кресле.

Когда все уехали, я рассмотрела беспорядок, с которым должна была справиться служанка. Закуски приносили из чай-шопа ее семьи, и поэтому счет за них будет выставлен мне. Интересно, они позволили бы мне задержать платеж до следующего сезона? Но, тем не менее, я не буду об этом спрашивать, пока она не убралась.

– Где моя медная табакерка? – спросила я Жака, оглядывая комнату. – Та, с черепами. Она была прямо здесь. Ты видел ее где-нибудь?

– Та что лежала, там, где сидели Ив и Нил? – ответил вопросом Жак.

– Вот дерьмо! Ив украла еще и мою табакерку. Я любила ту табакерочку. Петра сделала ее для меня.

К февралю последние остатки моих наличных сошли на нет.

Я покупала наркотики, только когда это было крайне необходимо. Обычно я кланчила у друзей. Получая наркотики на халяву, я вынуждена была проводить меньше времени с Жаком. Я не хотела, чтобы он думал, что я любила его только за наркотики. Нил, мой лучший поставщик, был сейчас в еще худшем положении, чем я. Бизнес не клеился у него, а выживал он за счет возвращаемых ему долгов. В тот момент большинство долгов уже вернули, но все-таки некоторые люди скрывались от него. Присутствие клептоманки вместе с ним уменьшало его популярность. Довольно скоро владелец его жилья захотел избавиться от них под предлогом, что у него были родственники, которым нужна была комната.

– Кео! Кео! – всегда радостно кричал ребенок Нила, когда я заходила в их дом. Ребенок любил меня. Я не знала почему, ведь я

не была поклонницей маленьких детей. Моя внешность приносила крики ликования: «Кео! Кео!» А когда я уходила, малышка плакала.

– Привет, Ха, – сказала я, похлопывая ее по голове.

– Да, Кео пришла, – шептала Ив с совершенно несчастным видом.

Когда Нил рассказал мне о своем тяжелом жилищном положении, я пригласила его переехать ко мне.

– Я буду спать на надувном матрасе, в гостиной, и позволю вам жить наверху, – предложила я.

– Ты уверена? – спросил он. – Знаю, что тебе не нравится, когда много людей крутятся постоянно вокруг тебя.

Что я могла поделать? Нил был моим самым близким другом. Я также чувствовала себя виноватой из-за случая с пакетом, когда я должна была послать его вместо Нила. Он попросил, чтобы я отправила конверт по почте с наркотиками в Штаты. Я согласилась и взяла его в почтовое отделение Панджима, по дороге заглянув в полицейский участок, чтобы поздороваться с инспектором Навелкэром. Только когда мое такси было на полпути по возвращению в Мапсу, я поняла, что забыла взять квитанцию. Когда кто-либо забывал брать квитанцию, индийские почтовые работники присваивали посылку себе или выбрасывали пакет. Я помнила об этом факте из индийской жизни, но мне было ужасно лениво возвращаться и похлопотать об этом. Возможно, они и послали бы его. Но, так или иначе, они не сделали это. Пакет никогда не достиг своего пункта назначения. Я не сказала Нилу о провале с квитанцией. После слухов о том, что я кинула Дебила и Джулиано, я боялась, что Нил будет думать, что я никогда не посылала конверт и забрала наркотики себе. Приглашая Нила с его командой жить в моем доме, я надеялась помочь ему восстановиться после неудачных афер. Кроме того, я не могла оставить друга в беде, оставив его справляться с проблемами самостоятельно. Я не могла следить повсюду за Ив, присматривая за тем, чтобы мое имущество куда-нибудь не ушло, но это было не самой большой проблемой. Менее всего меня привлекала мысль о ребенке в доме. Тьфу! Я ненавидела детей. Я разделила дом на две части, отдав Нилу, Ив и Ха второй этаж, куда можно было подниматься снаружи, через отдельный вход. В идеале дверь, закрытая наверху, разделяла бы дом на две квартиры. Но этому не суждено было быть. Соединяющие нас двери оставались открытыми, и первое, что совершал ребенок каждое утро, было то, что он спускался по лестнице с единственной целью – раздражать меня. Браслет с колокольчиками, одетый на ее лодыжке, ухудшал

ситуацию. Посреди крепкого сна я слышала: «ДЗИНЬ-ДЗИНЬ». Шаг, затем дзинь, шаг-дзинь. Я понимала, что это ужасное существо уже спустилось по лестнице. Наполовину проснувшись и медленно

сатанея, я про себя повторяла: «Не входи сюда, не смей беспокоить меня». Но это маленькое животное считало меня тетей Кео и думало, что все это просто замечательно.

Дзинь... шаг, дзинь... шаг. Звук становился все громче, и я могла уже сказать, когда Ха была в гостиной. Дзинь... шаг... Ну что ж за еб твою мать! Не подходи ко мне. Пауза. Я затаилась таким образом, чтобы она не слышала от меня ни единого звука. Может, она и ушла бы назад. Дзинь... шаг... Давай же, уходи. Я задерживала дыхание, когда она заглядывала в дверной проем рядом с местом, где я спала. Мои глаза были крепко закрыты. Пауза. И затем: «КЕО!» – раздавался оглушительный крик возле моего уха, сопровождаемым раздражающим детским смехом.

Я действительно ненавидела детей. К счастью, у Нила была фляжка жидкого опиума, которая компенсировала недостатки их присутствия в моем доме. Количество, которое я потребляла ежедневно, его потрясло.

– Что с моей фляжкой?! – однажды сказал он. – Она наполовину пуста. Ты ведь не одна съела такое количество опиума? На одного человека это слишком много. Ты делаешь это больше чем я и Ив вместе взятые. Надо завязывать с наркотиками. Я сделаю это в ближайшее время, возможно, в следующем месяце.

Время бежало, и я чувствовала, что меняюсь физически. Я также чувствовала изменения в энергетическом плане. Последнее время мне все больше хотелось без дела сидеть дома. Я не хотела загорать на пляже. Я не хотела бродить в поисках чего-нибудь интересного по фли-маркету. Я не хотела болтать с толпой в Джо Банане. Я не хотела открывать дверь и принимать посетителей. Я вообще ничего не хотела делать. Я хотела оставаться в одном месте с хорошей книгой. Правда, я больше не могла разгонять себя кокаином, но я думала, что дело было не только в нем. Может, героин делал меня заторможенной? Мой низкий энергетический уровень казался характерным для многих жителей пляжа Анджуны.

Все меньше и меньше анджунцев стали появляться на пляжных вечеринках. Они появлялись и быстро уезжали, предпочитая частные пати, где не нужно было разделять свою заначку с огромным количеством людей.

– Где все? – как-то спросила я Сашу, когда однажды ночью на пляже, на танцполе, обнаружила вокруг толпу незнакомцев.

– Наша тусовка курит бонг у Алехандро, – ответил он.

– Итальянцы курят бонг у Джиджи и Марко, французы у Бернарда и Симы. Кого ты ищешь?

– Я не знаю, кого-нибудь. Кого-нибудь знакомых, – ответила я, наблюдая за передвижением целой орды незнакомцев. – Кто все эти люди?

– Новенькие и живущие на других пляжах. Я тоже не знаю их, – сказал Саша, пожав плечами. Я могу только предполагать, так как сам в последнее время не появлялся здесь.

– Помню, что когда-то знала всех на вечеринке, – сказала я, разглядывая людей вокруг мерцающих свечей.

Вращающийся в танце незнакомец задел мой лоб бахромой. Я больше не могла танцевать в течение многих часов, как раньше. Я заметила, что и норвежка Моника тоже уже не отплясывала всю ночь. В прошлом Моника была заядлой тусовщицей, дико выплясывая до рассвета на каждой вечеринке.

– Моника, ты уходишь? – спросила я, увидев, что она направилась в сторону скал. – Раньше ты всю ночь танцевала.

– Теперь я всю ночь курю бонг, – ответила она, подмигнув мне.

С тех пор я тоже почти никуда не выходила из дома. Пока у меня был опиум, я предпочитала оставаться дома и читать. Нил уезжал днем и возвращался вечером, находя меня в том же самом месте.

– Ты провела здесь весь день? – спросил он однажды. – Ты не сдвинулась с этой подушки уже несколько недель. У тебя все хорошо? – Он волновался за меня.

Услышав, что кто-то занимается каждый вечер тай-чи на закате, я решила присоединиться. Тай-чи, которое я видела в ашраме Ошо, внушало мне благоговение своей медленной и грациозной красотой. Теперь я выходила из дома на час каждый день. Наконец-то Нил перестал смотреть на меня, как на овощ, который укоренился в гостиний.

Иногда мне нравилось присутствие Нила в доме. Порою он спустился ко мне, пока Ив валялась наверху, а Ха играла одна. Мы подолгу болтали, и я смеялась, разглядывая, как он забавно поправляет челку. Он всегда казался мне бомбой развлечения. Мы весело проводили время даже в отсутствии приятного звука «клик-клик» от порошка, который мы больше не могли себе позволить.

– Итак, милашка, как поживает твоя мамуля? – мог спросить он, сидя очень близко и разглядывая меня.

– Мамуля прекрасно. Недавно я получила письмо от нее на древней бумаге для печатающих машинок Тиффани. Там был напечатан наш старый адрес.

Иногда он расчесывал мои волосы, а я причесывала его.

Однако присутствие Ив и ребенка раздражало меня бесконечно. В какой-то момент я думала, что задушу Ха или брошу ее из окна. Но, в конце концов, Нил решил направиться в Бомбей. Мы сделали с ним рейд по имуществу Ив, чтобы вернуть украденные вещи владельцам. Затем Нил уехал.

Какое это было облегчение, хотя я сожалела, что потеряла опиум.

Тем временем моя последняя рупия ушла тоже. Какая к черту афера, на что я теперь буду есть? И чем мне расплатиться со служанкой? Ситуация была критической. Я жила в кредит. У меня был долговой счет в ресторане Грегори. У меня был счет у Джо Банана. Я была должна семье служанки и самой служанке за несколько месяцев. Я должна была сделать что-то немедленно.

Как-то раз я повстречала Джона.

– Это правда, что у тебя в доме есть туалет со смывом? – были первые его слова, которые он произнес.

Мы были тогда у Дэвида и Эшли, где я сидела, ожидая, когда же мне наконец-то передадут бонг. У Джона, маленького и тощего американца с двумя шнурками, висящими на талии, были живые глаза, сверкающие в полутьме комнаты. Он был умный. Восхитительный и умный парень. Мы стали не разлей вода. В первый раз, когда он вошел в мою дверь, у него было яблоко во рту, а на рубашке нарисован крокодил. Поэтому я назвала его Яблококродом. Яблококрод разделял свой дом, находящийся по ту сторону рисовых полей, с Маленькой Лизой. Маленькой Лизе недавно исполнилось восемнадцать, но жила она в Гоа с одиннадцати лет, после того, как мать бросила ее в Катманду. Они с Джоном объединились, и он заботился с тех пор о ней. Она, конечно же, выглядела сейчас не нуждающейся в чьей-либо заботе. Общение с Маленькой Лизой требовало чрезвычайной осторожности. Никто не назвал бы ее скромной и воспитанной. Иногда я спала у Джона, и это было не совсем удобно, потому что вынуждена была сталкиваться с Лизой на следующий день.

– Эй, ДЖОН, – доносился с утра первым делом ее скрипучий голос откуда-то из дальних комнат. – Где мой гребаный травяной шампунь?

– Я не знаю. Я не моюсь им, – отвечал он.

– Тогда какого хрена его тут нет?

Ее голова появлялась в дверном проеме со свисающими стеклянными бусами и впивалась в меня взглядом.

– Ты брала мой гребаный шампунь?

– Нет, это не я.

– Тогда где тот гребаный человек, который его взял?

Мне больше нравилось, когда Джон оставался у меня, но в любом случае, конечно же, нужно было ожидать ее появления.

– ЭЙ, ДЖОН, – доносился ее голос через окно, не дождавшись, пока я открою дверь. – Я думала, что ты, черт возьми, вернешься домой. Где мой керосин?

– Я забыл о нем. Мне жаль, – говорил Джон, с неуверенностью добавляя, – Может, ты возьмешь его сама?

– Трахни себя, чувак. Ебучий свет кончился в гребаной керосинке посреди ночи, – произносила она, смеясь. – Посмотри сюда, чувак, – говорила она, просунув целиком всю ногу в оконный проем.

– Она вся покрыта ебучим воском от проклятой гребаной свечи.

Их дом был одним из зданий, в который электричество еще не провели.

Несмотря на Маленькую Лизу, я считала Джона потрясающим, и тот факт, что ему нужен был перевозчик для его аферы, укреплял наши товарищеские отношения. Так как мы были романтично увлечены друг другом, то доходы должны были бы распределяться пятьдесят на пятьдесят. А тем временем он разделял свои наркотики, что у него были, со мной. И вот как-то Джон сообщил, что пора повернуть одно дельце. Наконец-то я спасена! Теперь я, похоже, и не буду самой распоследней фричкой на пляже в этом году.

В мгновение ока я собрала весь дом, точнее, всех нас троих (Маленькую Лизу тоже) и мы отправились в Бомбей.

– ЭЙ, ДЖОН, долго ты еще будешь трахаться с этой долбаной сумкой на этой чертовой багажной стойке?

В отличие от других Джон не зависал в бомбейской тусовке, и никакой бомбейский синдром не брал этого парня. И, в отличие от всех других он не рассказывал о своем бизнесе всему миру. Джон был умен. В течение дня мы вылетели в Бангкок, слава богу, без Лизы, и Джон связался со своими тайскими контактами. Он купил килограмм героина, который прибыл упакованным в полиэтиленовый пакет с фирменным знаком Double-UO Globe – двумя львами на задних лапах, поддерживающими мир. У Джона был хитрый метод для того, чтобы перевезти груз – в пластмассовой коробке

комплекта красок. Особенность комплекта была в том, что он был полым и имел воздушное отверстие.

Теперь началась наша работа. Мы пихали туда порошок через крошечное отверстие. Потребовалось три дня. Один из нас держал бумажную трубу возле отверстия, в то время как другой насыпал туда наркотик и проталкивал его. Долгая и утомительная работа. Облако белой пыли бесконечно весело в комнате.

Я же в это время оттачивала свою историю для таможенников, на случай если бы они начали расспрашивать меня. Это было мудрым решением, особенно учитывая то, что я возвращалась с Востока. Я придумала новую легенду, по которой я возвращалась в Штаты после путешествия с моим женихом, энтомологом. Я полагала, что энтомологи путешествуют по разным странам в поисках странных насекомых, и поэтому, якобы путешествуя повсюду с моим женихом, такое количество штампов в моем паспорте не будет казаться ненормальным. Я когда-то путешествовала автостопом с энтомологом в Израиле от Тель-Авива до Нуеба. Он остановился каждые несколько миль, чтобы носиться по кустарникам с сачком для бабочек. Требовалось два дня, чтобы совершить поездку, которая занимала несколько часов. Незабываемый у него был характер.

Пересекая границы в прошлом, я всегда носила с собой портфель с фотографиями из моего модельного бизнеса, чтобы, если что, выглядеть законопослушной и социальной. Теперь я добавила туда рисунки насекомых, которые я якобы рисовала, помогая своему жениху, сопровождая его в работе. Каждый день я ходила в библиотеку, разглядывая рисунки насекомых и копируя их. К тому времени, когда мы были готовы уехать из Бангкока, у меня был целый разноцветный буклет, подписанный и аккуратно разложенный в каталог. Там были *Monochamus notatus*, *Phyllium scythe*, *Linognathus vituli*... Я была готова к любому вопросу таможни.

На самом деле мы с Джоном находились в Бангкоке значительно дольше, чем было нужно. После Гоа всегда хотелось побаловать себя роскошью цивилизации. Пекинская утка, шоколад «Таблерон», сырное фондю, кондиционированный воздух. В тот момент я чувствовала, что живу на полную катушку. Мы с Джоном скакали по супермаркетам американского стиля, как туристы по Лувру. Мы останавливались, щупая различные быстрорастворимые смеси, аппетитные желе, роскошные коробочки. Сжимая их, нюхая, дрожа от радости. Смотри на это! Ничего себе! Какой прикольный лейбл. Столько много брендов различных круп. О-о-о, кетчуп!

В Таиланде также дублировали американские телепрограммы на тайском языке с английским саундтреком по радио. М.А.С.Н. по телевизору и кетчуп в моем гамбургере – вот что создавало ощущение, что я нахожусь в центре цивилизации. Мы хихикали над новой американской комедией под названием «Мыло».

Наконец пришло время оставить удобства Бангкока. Джон запечатал наполненную до отказа краску, залил отверстие клеем и завернул ее в зеленое сукно, чтобы не царапать основанием стол. Комплект краски выглядел хорошо, реально подкопаться было не к чему. Также он казался легким, а если по нему постучать, то, казалось, он полый. Прекрасная работа.

Но у нас оставалось еще в запасе достаточно много порошка. Что с ним делать?

– Мы не можем взять его с собой, и не хотим же мы выбросить его.

– Может, нам оставить его где-нибудь до следующего раза? И бонг, что мы будем с ним делать?

– Мы можем его спрятать?

Осматривая комнату, мы ходили вдоль и поперек, пытаюсь найти место для тайника. За занавеской? Под кроватью? Горничная, несомненно, наткнулась бы на него. Джон проверял ванную.

– Эй, иди сюда, взгляни на это, – сказал он, явно что-то обнаружив. Отодвинув деревянную рамку, закрывающую пространство под ванной, он показал мне место, куда можно было положить нашу заначку.

– Как ты думаешь, можно ли ее оставить здесь?

– Горничная может ее найти.

– И кому будет нужно туда заглядывать?

– А что если засорится ванная или что-нибудь в таком духе?

– Тут нет никаких труб, тут одна только грязь. Мы могли бы положить все возле дальней стены. Там настолько темно, что только на ощупь можно понять, что там.

– Это лучше, чем выбросить порошок. Даже бонг туда поместится.

– И еще неплохо бы запомнить номер нашей комнаты.

Вот так вот мы оставили наш бонг и пару унций героина под ванной в номере 409 отеля Royal. Вместо того чтобы направиться напрямиком в Индию, мы подумали, что было бы здорово проехать через Непал. Я никогда не была там и хотела бы повидаться с Петрой и моим старым бойфрендом Шиком из Бали. Мы должны были полететь разными рейсами в Катманду. Джон должен был

прилететь день спустя. Я заказала рейс в то время суток, в которое считалось безопасно проходить таможенную.

Как обычно, я трепетала при посещении новой страны. Горы! Они казались невероятно высокими. Когда мы подлетали к Катманду, (хотя самолет был выше облаков) одна из гор была значительно выше самолета. Эй, ничего себе, я нахожусь в Гималаях!

Я зарегистрировалась в отеле Woodland и намеревалась прогуляться по Фрики-Стрит, о которой была много наслышана. Выбрав для передвижения велорикшу, я села на порванное целлофановое сидение и щуплый непалец начал крутить педали, показывая мне город. Мы проехали под аркой с нарисованным на ней одним глазом, видимо, их религиозным символом. Развернувшись на ступе*, водитель повез показывать мне Фрики-Стрит. Магазины, рассчитанные на иностранцев, непрекращающейся линией тянулись вдоль дороги. Единственная вывеска, неопределенно напоминающее кафе, была «Не проходите мимо меня». И это был невероятный Катманду?

Фрики-Стрит разочаровала меня. Я не столкнулась ни с кем, кого бы я знала. Не было видно никакой процветающей фричной тусовки, которую я ожидала. Я ждала Джона. Прошло несколько дней. Затем неделя. Куда он подевался? Каждый день я проверяла корреспонденцию до востребования. Ничего. Каждый день я проверяла в лобби отеля. Никаких записок, никаких телеграмм. Моя личная записка закончилась, и я вынуждена была вскрыть тайник в краске, чтобы взять немного. Затем у меня кончились деньги. Вот дерьмо, мне нужно было продать немного наркотиков, чтобы заплатить за отель. Где был Яблококродод?

Гуляя по улицам, я повстречалась с несколькими людьми. Моим лучшим знакомством была американка Никки, которая жила в небольшой гостинице с ее сексуальным непальским другом. Я продала Никки несколько граммов.

Иногда я болталась в ее комнате. Но, на самом деле, Катманду казался мне мертвым. Где была та большая фричная тусовка, о которой я так много была наслышана? Может быть, это был неправильный сезон. Что произошло с Джоном? Я начала волноваться. Прошла еще одна неделя, принесся непальский сумасшедший праздник, во время которого люди бросали красную краску и воду

*Ступа - буддийское архитектурно-скульптурное монолитное монументальное и культовое сооружение, имеющее полусферические очертания.

из окон. В двух кварталах от отеля мне на голову вылили ведро воды. Мне это не казалось забавным, как людям на улице, или как моему водителю рикши и портье в отеле. Яблококрокод ты где? Наконец, после того, как я уже начала паниковать из-за исчезновения Джона, я узнала на улице его болтающиеся шнурки.

– Яблококрокод! – завопила я, прыгнув на него. – О, мой Яблококрокод. Где ты был?

– Задержался в Бангкоке, дожидаясь известий от Лизы, – ответил он, расцепив мои объятия. – Но я прибыл в Катманду три дня назад. Портье в Woodland сказал, что ты там не зарегистрирована. Я все это время искал тебя.

– Вот идиот! Как это для них типично.

– Ублюдок!

У Джона была комната в другом отеле, и я решила переехать к нему.

– Я привез тебе сюрприз из Бангкока, – сказал он, вытаскивая магнитофон из чемодана.

– Что, что?

– Я записал на пленку последний эпизод «Мыла» для тебя. Подожди, ты сейчас все увидишь. Они арестовали Джессику за то, что она убила тренера по теннису.

– Нет!

Джон был в Непале прежде, поэтому знал лучше меня все тусовочные места.

Тогда он взял меня в пригород под названием Swyambuh, где жили фрики.

Теперь Катманду показался мне намного лучше. На мой день рождения мы пошли к необычному Яку в отель Yedi. Снаружи, возле пузырящегося фонтана, Джон вручил мне непальскую монету, попросив меня загадать желание.

– О-о-о, хорошо, – ответила я, рассматривая ее и думая, что бы пожелать. Чего я могу еще хотеть? У меня было все. Все, что я когда-либо хотела. Замечательный дом в фантастическом раю, прекрасное сообщество фриков, к которому я принадлежала. Моя жизнь была прекрасной. Желать большего было бы жадностью. Я отдала монету Джону. Яблококрокод, у меня уже все есть.

Вскоре я снова была в движении. В то время как Джон летел непосредственно в Бомбей, я решила вернуться в Индию через Варанаси, самое святое место в стране. В роли туристки я провела несколько дней. Интересное место. Варанаси – это место, куда

любой индус хотел бы попасть, чтобы умереть. В этой небольшой деревне, прямо на улице, в шесть полос лежали умирающие люди. Некоторые лежали рядом на раскладушках, некоторые сидели, скрючившись, будто от боли, другие тяжело кашляли. Многие из них лежали лицом к солнцу, словно они уже были трупами. Факт был в том, что они все должны были умереть в течение нескольких ближайших дней.

Я задалась вопросом, а наблюдают ли государственные чиновники за массой людей, уже достигших святой цели, чтобы как-то разделять их от еще живых. Мы с Джоном рассчитали все так, чтобы прибыть в Бомбей в один день.

– Эй, ДЖОН, что ж вы бя, так долго возвращались?

Вернувшись, мы снова были с Маленькой Лизой.

Так как Джон не хотел посвящать каждого фрика Гоа в детали его бизнеса, мы не поехали в те отели, где была тусовка. Мы избегали социальной жизни Бомбея. Вместо этого наши дни были наполнены едой и комиксами. И Лизой. Лизой, которой было очень много.

Единственным человеком, кто обнаружил наше расположение, была Джиджи. Они с дочерью были в городе, в то время как ее новый муж, Марко, вел дела в Европе. Джиджи вдруг взялась торчать на коксе словно в последний раз. Со времени приезда в Бомбей она потратила кучу денег на кокаин и сейчас, суетясь, носилась от одного номера к другому. Она выглядела разбитой. У Джиджи был кокаиновый кураж. Было удивительно, как торчащие на кокаине находили источники, приобретали его, даже если не могли себе это позволить.

Джиджи нашла нас в Бомбее, доказав ее мастерство.

– Джон, можешь одолжить мне немного из своей заначки? – спросила она, зайдя в нашу комнату.

Джон дал ей, но отклонил предложенные ею сто рупий, несмотря на то, что он, Лиза и я нуждались в наличных деньгах.

Так как нам нужны были деньги для поездки на Запад, а их пока не было, нам пришлось смириться с тем, что в Бомбее придется остаться дольше, чем мы планировали.

В течение нескольких недель мы с Джоном бездельничали в комнате, поедая датские пирожные из отеля Taj Mahal и читая комиксы Asterix и Iznogood, которые мы взяли в магазине комиксов на Мэрайн-Драйв. Увы, с Лизой приходилось встречаться каждый день. На обед мы с Джоном ходили в китайский ресторан в районе Colaba и, конечно же, Лиза шла с нами.

– Глупое проклятое бычье! – могла громко крикнуть она на официанта. Это короткое слово было уничижительным для индуса. – Я сказала проклятому гребаному бычью принести мне ОДИН СТАКАН ЛЬДА и ОДНУ БУТЫЛКУ КОЛЫ, ОТДЕЛЬНО! И смотрите на этого урода. Это бычье сейчас наливает колу в стакан со льдом. Теперь у меня будет ебучая водянистая кола к тому времени, когда подадут гребаную еду.

Однажды возвращаясь из китайского ресторана, мы видели Джиджи из окна нашего такси. Мы смотрели, как она бежит по улице со своей маленькой дочкой, словно преследуемая демонами.

– Что-то мне все это напоминает, – сказала я, вспомнив, что должна была проявить пленку с ее свадьбы.

Прежде чем такси повернула за угол, мы увидели, как она прыгнула через бордюр, сделав ногами фигуру типа ножниц. Ее маленькая девочка упала.

– Эй, Джон, она, похоже, на гребаном пути к твоей комнате, чтобы еще разнюхаться коксом, – произнесла с сарказмом Лиза.

– Опять? Да она у нас была уже днем.

После месяца поедания печений, хрустящих чипсов и просмотра самого большого количества комиксов в моей жизни мы собирались двинуться вперед.

Я выбрала Португалию в качестве своего промежуточного этапа, так как я никогда не была там, и она казалась мне безопасной страной. Там можно было бы остановиться, чтобы сделать себе новый паспорт. У нас не хватало денег для всей поездки, поэтому, по плану, Лиза должна была сначала полететь в Штаты, и оттуда мне выслать деньги в Португалию. Джон должен был встретить меня потом в Нью-Йорке.

Прибыв в Лиссабон, взволнованная, с кучей эмоций, я зарегистрировалась в отеле и тут же первым делом отправилась в ближайшую кондитерскую, а уж затем отправилась в посольство. Там я вручила им свой старый паспорт, залитый красным лаком для ногтей.

– Ужас, посмотрите, что произошло в моей сумочке, – сказала я, сделав глупое лицо. – Лак для ногтей пролился и на всю мою одежду. Все испорчено.

Ожидая денег от Лизы, я изучала город. Придя на бой быков, мне пришлось засовывать голову в сумку, чтоб разнюхаться наркотиком. Японский турист, сидящий рядом со мной, даже ничего и не заметил.

Неделю спустя путешествующая со мной заначка закончилась, и мне снова пришлось залезть в тайник с краской. К счастью, у меня были зеленые заплаточки, чтоб закрыть дырку. Я изучила эту технологию в Катманду. На следующей неделе у меня закончилась деньги. Ну и где была эта Маленькая Лиза с деньгами? Скоро я больше не смогу оставаться в отеле. И что теперь? Мне нужно было место, чтобы жить дальше. Надолго ли я застряла в Португалии?

Когда я ходила в посольство за новым паспортом, там познакомилась с двумя морскими пехотинцами, и они пригласили меня посетить их Морской Дом, поместье, где они жили и устраивали вечеринки. Я приняла их приглашение, услышав о баре, который часто посещают американские служащие. Теперь я решила посетить бар в поисках кого-то, кто мог бы поддержать меня. Возможно, я могла бы и остаться там. Из этого могло бы выйти что-нибудь интересное.

Войдя в бар, спустя час я обнаружила, что нравлюсь одному морскому пехотинцу. Конечно, он не был мужчиной моего типа из-за волос, которые были длиной не более трех сантиметров, но что-то притягивало меня к нему. Той ночью я пошла домой с ним, а на следующий день переехала в его квартиру.

Постепенно я рассказала ему о своей жизни. Индия, странная тусовка, наркотики. Вскоре, морской пехотинец понял, что получил в комплекте со мной нечто большее, чем он предполагал.

– Что у тебя там, в комплекте с красками? – шокировано спросил он.

Бедный морской пехотинец. Но вскоре после этого мне прислали деньги. Я была уверена, что он с облегчением выдохнул, когда я покидала его жильё.

С модно уложенной прической, комплектом краски, запечатанным зеленой заплаточкой, я села на самолет в Нью-Йорк. Когда-то давно я зареклась летать напрямую в Штаты, так как это была моей родная страна, и таможня могла быть ко мне более жесткой. О... ну хорошо...

Достигнув нью-йоркского таможенного стола, я осознала, что уже нахожусь в беде.

– Откуда вы прибыли? – строго спросил меня таможенник.

– Португалия.

Он бросил на меня взгляд, даже не посмотрев паспорт.

– Вы не были в Индии? – затем строго произнес он.

– Нет.

Вот дерьмо! Он знал! Он не спросил бы об Индии, если бы он не знал, что я там была. Как они узнали? Мой ум метался между двумя задачами – понять, откуда они могут об этом знать и способом справиться с этим. «Постарайся не быть врагом», – сказала я самой себе. Надо срочно менять историю.

– Да, я была в Индии.

Таможенник стоял, все еще не открыв мою сумку. Это был плохой знак, так как они открывали их у всех.

Почему вы сказали мне, что не были там? – спросил строго он.

– Ну, м-м-м, видите ли, я жила на Востоке...

Мой мозг лихорадочно пытался зацепиться за любые мысли, чтобы придумать, что-нибудь внятное.

– Мой жених работает там. Он энтомолог. Я зарисовываю его насекомых. Хотите посмотреть?

Инспектор не проявил к моей заготовленной фразе ни грамма заинтересованности.

– М-м-м... хорошо, просто каждый раз, по возвращению в Штаты, мне нелегко было проходить таможду. Меня всегда задерживали на несколько часов. Так как я получила новый паспорт, я подумала, что могу просто промолчать о тех своих путешествиях по Востоку, чтобы не торчать здесь весь день. Я старательно пыталась выглядеть глупой, а не испуганной. Извините. Предполагаю, это была глупая идея.

Я не заметила, чтобы он подавал кому-либо знаки, но охранники внезапно стали скапливаться вокруг меня. Он все еще так и не коснулся моей сумки.

– Вы поменяли свой паспорт в Лиссабоне?

– Нет, нет! Мой старый был испорчен. Флакончик лака для ногтей открылся в моей сумке и лак пролился на него. Это испортило и другие мои вещи. Именно тогда мне пришла идея сказать, что я приехала из Европы. Сейчас я понимаю, что это была глупая идея, но вы представить себе не можете, сколько у меня возникает проблем, когда я говорю, что приехала с Востока. Вот здесь, позвольте мне показать вам насекомых.

Я даже не получала шанс показать мое творчество. Таможенник вручил мой паспорт человеку в униформе.

– Отведите ее в заднюю комнату. А вы, дамочка, идете с ним.

Сотрудники службы безопасности аэропорта окружили меня, и каждый стал поднимать мой чемодан. Я молча проследовала за ними в область, которую большинство пассажиров никогда не видит, в комнату с металлическим прилавком вдоль одной стены.

Мой багаж был доставлен туда и открыт. Один мужчина и женщина остались со мной.

Вот дерьмо, я труп. Будь спокойна, – говорила я самой себе. Ни в чем не признаюсь, пока в этом не будет абсолютной нужды. Держись. Еще не все потеряно. Посмотрим, что из этого выйдет.

Внутри все дрожало, но внешне мне удавалось держаться. Я контролировала свое тело. Оно не дрожало и руки не тряслись. Лицо не было словно у статуи. Я выглядела спокойно и непосредственно себя вела. Уперев кулачок в бедро, я напыщенно тяжело вздохнула и прислонилась к прилавку.

– Я поступила глупо, – произнесла я, скривив губы, и уставилась в пол.

– Где он? – спросила женщина в униформе у коллеги, стоящего неподалеку.

– Он уже идет.

– М-м-м... о-о-о... – попыталась сказать я в шуточной манере. – Кто должен прийти?

– «Резчик», – с шуткой произнес кто-то позади меня.

Женщина вяло изображала, что что-то ищет в багаже, но, очевидно, последнее слово должно было быть за «Резчиком». Она провела пальцами по некоторым моим вещам и расстегнула молнию на косметичке. Отодвинув в сторону пару обуви, она исследовала куклу-матадора, купленную в подарок. На какое-то мгновение ее рука столкнулась с комплектом краски и затем переключилась на что-то другое. Комплект не вызвал в ее голове ни грамма тревоги. Ее тело не напряглось, а значит, она не заподозрила чего-либо. Натолкнувшись на краску, она просто отодвинула ее в сторону.

– Можете сейчас освободить этот чемодан? – сказала она, произнеся это больше как приказ, а не вопрос. – Положите все вещи вон туда, в сторону.

Паника разрасталась во мне, и я чувствовала это. Но я не позволяла ей как-то проявлять себя, стараясь быть уравновешенной и спокойной. Таможенники не смотрели на комплект краски. Теперь мне нужно было держать их внимание подальше от него. Они не должны заметить его. Я выкладывала вещи из чемодана, слушая их голоса позади меня. Они говорили друг с другом и только наполовину наблюдали за мной. Остановившись на мгновение, я вынула и аккуратно сложила на стол мои бумаги со статьями и рисунками. Я сконцентрировалась на звуках, исходящих от таможенников, ожидая подходящего момента. И момент наступил. Если их глаза смо-

трели на то, о чем они говорили, значит они не смотрели на меня. Удерживая комплект краски под бархатным платьем, я вытащила его и положила среди моего другого имущества.

– Ну вот он и пришел. Наконец-то явился.

Безусловно, «резчиком» оказался человек с ножом.

– Я здесь, – с иронией произнес он.

– А, ха-ха. Ах вот кто такой «резчик», – улыбнувшись произнесла я.

– Резчик? Это они так меня тут называют?

Хотя он немного шутил со мной, но был вполне серьезен, когда взялся за мой бедный чемодан. Он просто уничтожил его, разрезав на части. Вырвав подкладку, он стал наносить удары ножом по его беззащитным бокам.

От чемодана остались одни клочки и дырки, из которых торчали щепки древесины.

Но «резчик» ничего не нашел и таможенники казались разочарованными.

– Здесь ничего нет. Вы можете собираться.

– Я могу идти?

– Да, вы свободны. Извините за чемодан. Мне приходится выполнять работу, за которую мне платят, вы же понимаете, – оправдываясь, произнес «резчик».

– О, это хорошо, – сказала я, чувствуя себя родившейся заново.

– Эй, ну что вы, послушайте, я заслужила это. Мне не нужно было врать, что я не была в Индии. Это было глупо с моей стороны.

«Резчик», вероятно, думал, что два других таможенника тщательно обыскали мои вещи, а они, вероятно, думали, что человек за таможенным столом обыскал меня. Я не могла упаковать вещи достаточно быстро. Никаких опрятных сворачиваний. Я действительно проявила осмотрительность с комплектом краски, но все же... Было еще не поздно привлечь внимание к краске и все испортить. Снова я прислушалась к голосам позади меня, но, как я понимала, они вообще не обращали на меня внимания.

Кто-то помог мне отнести к выходу кучу порванной кожи и древесины, которая больше не могла функционировать как чемодан. В такси, покидая аэропорт, я наконец-то выпустила эмоции, которые так старательно сдерживала.

– О, мой бог, ты был так близок!

Как и предполагалась, я должна была встретить Джона в ближайшем к аэропорту отеле. Я осталась там на ночь, но утром решила ждать его у мамы. Стоимость номеров была высока, а те

встречи, которые планировались заранее, как я уже поняла, не всегда проходили вовремя. Я купила себе новый чемодан, но пока не выкидывала убитую громадину, желая показать Джону, что сделал «резчик». Я полагала, что мамуля не заметит его.

Забросив ногу на ногу перед старинным матовым зеркалом и любясь собой, мамуля снова стала задавать странные вопросы.

– Ну как, хорошо?

– Что хорошо?

– Разве ты не можешь сказать мне? Посмотри на эту мышцу! Я стала членом спортивно-оздоровительного клуба. Что скажешь?

За те четыре дня, что я оставалась с нею, она ни разу не заметила разорванное в клочья «корыто», выглядевшее, словно взорвавшийся чемодан.

Я оставила сообщение для Джона в отеле, но звонила туда каждый день, чтобы проверить, прибыл ли он. По опыту в Катманду я научилась не доверять портье. Американские портье, как выяснилось, были другими, и Джон сразу же получил мое сообщение. Зарегистрировавшись, он немедленно позвонил мне.

– Привет, – произнес теплый голос, который явно улыбался по ту сторону провода.

– Яблококод, как же я соскучилась по тебе.

– Как жизнь? Как прошла поездка?

– Ужасно! Подожди, я все расскажу тебе.

Когда Джон заехал за мной, я показала ему останки моего чемодана.

– Они ждали меня и знали, что я возвращаюсь из Индии. Как они об этом узнали? – взволнованно выдала я, ожидая от него услышать хоть какую-нибудь зацепку.

– Может быть, компьютер, – ответил Джон, закусив зубами нижнюю губу и приподняв брови.

Мы оба одновременно подняли наши плечи и покачали головами, смотря друг на друга.

– У них, вероятно, есть мы все в компьютере. У тебя были затруднения по прилету?

– Нет.

– Так! А ведь я не возвращалась с Востока. Я приехала из Португалии. Безопасная небольшая страна. Я ничего не понимаю.

– Кто-либо в Лиссабоне знал то, что ты делаешь? Может, кто-то донес на тебя.

– Я уже грешным делом думала о морском пехотинце, но он не знал, где был спрятан наркотик. Если бы это был он, то они пошли

бы прямо к комплекту краски. Нет, я не думаю. Кроме того, они искали не порошок. Они искали гашиш точно в том месте, где я раньше провозила его – спрятанным в стенке чемодана. Эти неудачники опоздали на два года.

– Может, это та девочка, которую вы посылали, что приземлилась в Хитроу. Ты писала ей в тюрьму, не так ли? У них могло остаться после этого твое имя.

– Лила! В ее чемоданах действительно был гашиш, спрятанный в стенках. Возможно. Так или иначе, мне эта дорога на Запад закрыта. Я не могу пользоваться теперь этим маршрутом. В Европу, я думаю, тоже не стоит соваться. Однако это случилось и они знают меня. Я теперь могу ездить только на Восток. В Австралию, возможно, куда угодно, но не сюда. Если, конечно, я не возьму другое имя...

Контакт Джона жила в Вашингтоне, в округе Колумбия, и нам нужно было туда ехать. Точнее, мы поехали в Шератон, находящийся за пределами Вашингтона. Мне не нравилось все, что было за окном, поэтому я сразу же возненавидела это место.

– Какое скучное место, – жаловалась я. – Сколько времени придется нами здесь пробыть?

– Пока я не продам наркотик. Несколько недель. Затем, может быть, мы поедем в Сан-Франциско.

– Сан-Франциско! Прекрасно! Я никогда не была там. Не может быть.

Тем временем недели в Вашингтоне тянулись и тянулись. Какое ужасное место, словно тюрьма. Я становилась все более раздражительной.

«Ненавижу Вашингтон», повторяла я каждый день. Почему кому-то здесь нравится жить?

– Фактически мы находимся в штате Мэриленд.

– Только фигурально...

Прошла еще неделя, потом еще одна. Я была сыта по горло гостиничным номером. Я была сыта по горло унылыми друзьями Джона. Я была сыта поездками на трамвае по этому скучному городу.

– Послушай, – сказала я ему однажды. – Почему бы нам не встретиться с тобой в Сан-Франциско? Я не могу больше выносить это место. Кроме того, у меня есть одна идея. Я хочу поменять в паспорте фамилию. Это может занять какое-то время, поэтому я хотела бы отправиться туда одна и заранее начать эту процедуру.

Большая часть наркоты была уже продана, поэтому Джон дал мне мою долю дохода. Я провела два дня, превращая десятки и двадцатки в стодолларовые банкноты.

Джон сопровождал меня в аэропорт. Он смеялся, потому что я спрятала свою заначку внутри моего тела.

– Это Америка, – сказал он издевательским голосом. – Они не будут обыскивать тебя на оружие там, тем более на внутренних рейсах. Они используют металлоискатели. Добро пожаловать в развитый мир, – сказал он ухмыльнувшись.

– О, и правда. Я забыла, что они используют металлоискатели. Сила привычки.

Мы поцеловались на прощание тысячу раз.

– Я буду скучать по тебе. Ты скоро приедешь?

– Возможно, в конце недели.

– Ты будешь звонить мне?

– Каждый день.

В Сан-Франциско я поселилась в гостинице-небоскребе в самом центре города. Теперь это стало тем местом, где я собиралась хорошо пожить. Не то, что этот дурацкий Мэриленд – тьфу! В этом месте было все, и я была готова к этому всему. Я нашла веселенький клуб, чтобы тусить там ночами. Я нашла хорошие контакты с людьми, где можно вырубить превосходный дешевый коричневый герыч. Купила два фильма, чтобы показать их потом в Гоа – The Blob и The Thing That Swallowed the Earth. А также я захотела сделать цветную татуировку, слона на моей ноге. Джон не появился ни в конце недели, ни неделю спустя.

Тем временем я начала процедуру по смене фамилии в паспорте. Я нашла этот способ в романе «День Шакала». Сначала мне нужно было найти кого-то, кто родился примерно тогда же, что и я, а затем дальше разрабатывать историю. Затем надо было попросить копию свидетельства о рождении.

Я начала с кладбища, просматривая надгробные плиты и изучая даты. Проходя вдоль надгробий, я сталкивалась взглядом с людьми, которые смотрели на меня с сочувствием. Я выбрала девочку, которая умерла в возрасте четырех лет. Следующим пунктом была редакция газеты. Чтобы найти имя моих «родителей» и девичью фамилию, я проштудировала старые выпуски и даты смерти. Прделаав эту работу, я пошла идентифицироваться.

Я попросила оформить мне в библиотеке читательский билет на имя этой девочки, а в магазине выписать мне на такую же фамилию квитанцию об оплате чистящих средств.

Собрав несколько таких бумажек, я отправилась в офис государственной конторы и попросила копию моего свидетельства о рождении.

– Моя мама не может найти оригинал, – сказала я услужливому клерку. – Мы искали во всем доме. Облазили весь чердак дважды!

Меня поразило, когда он практически вручил мне новое свидетельство. Я не могла поверить, насколько легко это было сделать. Потребовалось меньше часа. Но для получения паспорта мне нужны были еще какие-нибудь удостоверения. Водительские права были бы для этого хороши. Я думала, что уже не помню, как водить, но, так или иначе, их получение заняло бы слишком много времени. Кто-то рассказал мне о «неводительских правах». Этот документ не давал право водить машину, но идентифицировал вас как личность.

– Они делаются бесконечно долго, пять или шесть недель, – сказал мне друг. – Я знал кое-кого в Орегоне, кто получил такие «неводительские права» за один день.

Я позвонила в Орегон. Да, телефонный голос подтвердил, что я могу приобрести «неводительские права» за день, и я решила этим воспользоваться.

На следующее утро я вылетела в Орегон. Симпатичный небольшой штат. Все там выглядело эффектно, но жить там совсем не хотелось. Когда я садилась на обратный рейс в Сан-Франциско, у меня на руках было еще одно удостоверение моей новой личности. На карточке была моя фотография и новая фамилия. Все сделано очень аккуратненько.

Теперь, владея всеми необходимыми бумажками, я пошла просить новый паспорт. К сожалению, что-то попало мне в левый глаз по пути в правительственное учреждение. Я остановилась в дверном проеме, чтобы вытащить эту соринку из глаза, но у меня никак не получалось. Противная штука беспощадно причиняла боль, и когда я оказалась в приемной, то стояла там, прикрывая платком красный и мокрый глаз.

– Мне нужен паспорт как можно скорее, – сказала я чиновнику. – Я должна встретить по приезду из Парижа моего жениха, энтомолога. Это чрезвычайная ситуация.

Человек принял документы и сказал, что они будут готовы к концу недели.

Тем временем я часто посещала клуб, болтала ночами с Джоном и связалась со своей старой подругой из Лос-Анджелеса.

– Почему бы тебе не навестить меня, – сказала она. – Сан-Франциско отсюда недалеко.

Ну и круто. Кто знал, сколько времени еще ждать Джона? Я сказала ей, что буду у нее в пятницу, как только получу новый паспорт.

В четверг ночью я получила первый знак-предупреждение. Я получила предупреждение от небес, но не обратила на него внимания. Глупая. Глупая. Глупая. Я ведь всегда была так внимательна к подобным предупреждениям. Оно пришло через портье отеля. Он позвонил мне, сказав, что, наверное, я должна знать, что приходили люди из ФБР, и задавали вопросы обо мне. Превосходное предупреждение. Я должна была прислушаться к нему.

Надо было немедленно выписаться и вселиться в другой отель, под другим именем. Надо было остановиться и призадуматься над своими действиями. Я должна была это сделать. Пару лет назад я бы так и поступила, но сейчас почему-то я так не сделала.

В пятницу утром я упаковала свою сумку, чтобы взять ее с собой в Лос-Анджелес. По привычке я засунула свою записку наркотиков в укромное местечко внутри себя. Хорошо, что я помнила про металлоискатели. Очень хорошо. Я перенесла свою сумку в лобби, чтобы захватить ее по дороге в аэропорт, и отправилась в контору за паспортом.

– Готов ли мой паспорт? – спросила я, протягивая квитанцию.

Чиновник, посмотрев на листок бумаги, сказал мне, чтобы я подождала. Меня должны были позвать. Перед тем как сесть, я вышла из приемной и спустилась до киоска, чтобы купить себе сладостей.

С леденцом в руке, вернувшись, я обнаружила в коридоре трех мужчин в костюмах, явно ищущих кого-то. Они остановились, когда увидели меня, замахали значками и тут же направились в мою сторону. Вот дерьмо.

– Это ваши бумаги? – произнес один, держа заявление на мой паспорт в руке. Он также держал «неводительскую идентификационную лицензию» с фиктивным именем и моей фотографией. Смысла что-либо отрицать уже не было. Мое тело стало покалывать, поскольку страх бежал по нему. Воздух стал таким плотным, что я стала задыхаться.

– У вас есть право не отвечать на вопросы...

О боже. Время стало странным, словно в замедленном кино, а один из мужчин, взяв мои руки, заковал меня в наручники.

Когда воздух и мое тело возвратились в норму, меня уже вели через лобби правительственного здания. В наручниках, окружен-

ная тремя мужчинами, которые были похожи на президентских телохранителей, я думала, что умру от стыда, потому что все окружающие люди стояли и пялились, как меня ведут под руки. На мне был трикотажный топ с длинной, почти полуметровой бахромой, в которой мне кое-как удалось скрыть свои наручники. Затем мы вчетвером с трудом вместились в лифт, и только по выпуклости, торчащей из-под бахромы, можно было опознать во мне арестанта.

Достигнув пункта назначения, мы остановились в части здания, о существовании которой я даже не подозревала. После прохождения нескольких охранников и металлических дверей я оказалась в комнате с несколькими зарешеченными камерами, и меня заперли в пустой клетке. Место казалось жутко пустынным. Никаких звуков или признаков кого-то живого не исходило из соседних камер. Было бы полегче, если бы была возможность кого-нибудь увидеть или поболтать с таким же горемыкой из соседней камеры. Я попыталась вовлечь охранников в беседу, когда они пришли, чтобы посмотреть на меня, но оказалось, что они хотели всего лишь полюбопытствовать и вернуться обратно, чтобы обсудить меня между собой. Теперь мой мозг, казалось, работал слишком быстро, и я не могла от этого нормально думать, планировать или пытаться сформировать свою стратегию. Может быть, мне просто нечего было планировать? Будущее на следующую неделю, на завтра или же следующие пять минут – все было чисто.

На обед они принесли мне восхитительный бутерброд, который я не смогла съесть. Мой желудок тоже не работал.

В итоге за мной приехали мужчина и женщина, забрав меня, словно часть багажа. Они расписывались за меня, сопровождали меня по коридорам и говорили обо мне, словно я была неодушевленным объектом, который нужно куда-то доставить.

Лифт спустил нас на автостоянку, но прежде чем посадить меня на заднее сиденье автомобиля, они добавили мне цепь вокруг талии, которая была прикреплена к наручникам. Хотя мы и были в обычном гражданском автомобиле, я чувствовала, что каждый человек на улице обратил внимание на меня, прикованную на заднем сиденье. Дышала ли я тогда?

Они сопровождали меня в высокое здание, и дальше все завертелось как в вихре. Вопросы, отпечатки пальцев, появление перед судьей, которое произошло так быстро, что я даже не поняла, что

мне сказали. Когда они фотографировали меня, я попыталась возмутиться и стала гримасничать, делая лицо, как у Мэрилин Монро. Кто-то хихикнул, но кто-то другой сказал, что мы должны сделать фотографию заново, и на сей раз без моего сценического искусства. Мои вещи, где-то изъятые, обыскали, потом снова, а потом меня посадили в крошечную камеру с другой женщиной-заключенным и сказали, чтобы я разделась.

– Что дальше будет? – спросила я своего товарища по плену, узнав, что она уже имеет опыт в этом.

– Личный досмотр, – ответила она. – Если у тебя есть что-нибудь, то лучше избавься от этого, а то будет только хуже.

Вот дерьмо! Я не могла поверить, как мне повезло, что моя записка была во мне, а не в моей сумочке. Как хорошо, что они арестовали меня по дороге в аэропорт и что у меня не было, как обычно, хорошей записки при себе. Но сейчас у меня не было намерения смыть его в унитаз. Наркотики до сих пор не вовлекались в ситуацию. Болезненные ломки могли бы повлиять на ход расследования. Я должна была спасти свою записку.

В поспешном безумстве я вырыла ее из влагилица и запихнула себе в задницу. Если Дебил смог это сделать, то и я должна тоже.

– Ой! Эй, это же больно. Как Дебилу удалось запихать туда половину фунта?

Когда они обыскали меня, то ничего не нашли. Затем мне дали уродливую ужасную одежду. Штаны! Я никогда не носила штаны, тьфу! И нижнее белье! Они хотели, чтобы я носила нижнее белье! Надев на меня браслет, как в больнице, они привели меня в зал для задержания. Это была большая комната, с двух сторон разделенная камерами, двери которых были открыты. В углу стоял телевизор. Около пятидесяти заключенных женщин смотрели его. Кто-то играл в карты, кто-то вообще ничего не делал. Через несколько минут пришло время приема пищи, и женщины заняли места вокруг столов, стоящих посередине. Все засуетились вокруг еды. Поскольку я совсем недавно уехала из Индии, западная еда все еще производила на меня сильное впечатление.

– НИЧЕГО СЕБЕ! – воскликнула я, сидя за своим столом. – Это обед? Эй, да это просто фантастическая еда. О, вкуснятина! М-м-м-м-м, бесподобно! Вот это да!

Мой энтузиазм по поводу обеда ошеломил моих сокамерниц настолько, что некоторые начали хихикать. Кто-то манерно закатил глаза, пытаясь показать тем свое отношение ко мне. Кто-то, втянув

шею, тихо ел, посматривая на меня. Женщина напротив меня вывалила свою кашу на мою тарелку.

– О-о-о-о, – щебетала я. – Вы действительно уверены, что не хотите ее? Я не ела кашу несколько лет. Ничего себе, огромное спасибо! О, какая же вкуснятина.

Одна пожилая женщина прекратила греметь вилкой о тарелку и, прервав трапезу, стала наблюдать за мной. Улыбнувшись от удивления, она покачала головой.

– Это просто праздник какой-то, ничего себе банкет!

Все были очень удивлены. Я также заметила, что у темнокожей женщины исчезло свирепое выражение лица, с которым она смотрела на меня вначале. Она смягчилась, жалея такую психбольную, как я.

– Ты кто? – спросила одна женщина. – Федеральная или по штату?

Я понятия не имела, о чем она говорила. Это дало им окончательно представление обо мне. Я была безнадежна.

– А что это значит? – спросила я, сделав тупое лицо.

– Ты федеральный заключенный или по этому штату?

– Я не знаю. Я здесь. Что это дает мне?

– Твое преступление против государства или против штата? – кто-то нетерпеливо спросил.

Мое лицо не могло выразить ничего в ответ. То ли они были с Марса, то ли я. Они решили, что с Марса все-таки я.

– Посмотрите на ее браслет, – сказал кто-то в раздражении. – Она федеральная.

Я была уверена, что они были впечатлены.

– А ты кто? – спросила я менее устрашающую соседку.

– Я преступница по штату.

– А-а-а...

Я слышала истории о женщинах-преступницах, и теперь задавалась вопросом, могу ли я, такая маленькая, провести это непростое время с такими серьезными персонажами. Поняв, что они считают меня немного ку-ку, я почувствовала себя значительно безопаснее. Так или иначе, быть под кайфом было хорошей защитой. Это вдохновило мою терпимость.

Напевая нелепую песенку, я исследовала комнату, преднамеренно показывая себя еще более чокнутой. Группа агрессивно выглядящих темнокожих женщин в углу смотрела на меня, словно приготовилась отбивать вражеское нападение. «Теперь они могут подкинуть мне проблем», – подумала я, когда услышала свист и комментарии, проходя мимо них. Каждая пыталась ухватить меня за руку.

– Эй, сладенькая, не хочешь ли стать моей малышкой и все такое? – спросила одна из них под смех остальных.

Я вспомнила чей-то совет о том, что делать в подобной ситуации. Нужно не сопротивляться этому, позволить себе как бы плавать в этом, позволить приблизить себя и затем освободиться от этого.

– Точно! – ответила я, поправив свои волосы специально рукой так, что бы она могла увидеть мой браслет с «федеральным» статусом. Но для них было не важно, по какой я тут статье.

Она была молодой, миниатюрной и хорошенькой. С этого начались новые приключения моей тюремной истории. У меня было тогда чувство, что на самом деле она вовсе не рассматривала меня как сексуальный объект. Впоследствии мы действительно проводили много времени вместе. Если она не приходила ко мне, я искала ее. Я считала, что это была неплохая идея – позволить мне быть принятой этой женщиной и ее агрессивно выглядящими подругами. Иногда мы могли подолгу сидеть перед телеком в обнимку, но она никогда до меня не домогалась в плане секса. И она никогда не пыталась поцеловать меня. Это была больше игра, в которую мы играли, чтобы развлечь других. Мне нравились и она, и ее темнокожие подружки, которые казались самой прикольной группировкой среди всех. Одно время я даже немного угощала ее порошком из своей заначки.

Меня арестовали в пятницу, и тогда же я позвонила друзьям, попросив их связаться с Джоном. В понедельник мне сообщили, что ко мне посетитель. Привели меня в бельевой чулан. В крошечном пространстве, загроможденном свернутыми полотенцами и коробками, сидел молодой парень, который очевидно все еще пытался убедить охранников, что с ним все будет в порядке.

– Все хорошо. Я ее адвокат, – сказал он. – Просто дайте нам несколько минут. Действительно, все будет хорошо.

Невероятно, но они закрыли меня с каким-то чуваком, который сидел на стопке полотенец.

– Привет, я Генри, – сказал он, когда мы остались одни. – На самом деле я не твой адвокат. Я налоговый адвокат и друг Джона. У нас есть много общих знакомых. Вы знаете мою жену из Гоа – Мэдлин.

– Счастливая Мэдлин?

– Да! Она раздавала замечательную кислоту на пляжных вечеринках.

– Она ваша жена? – спросила я, сложив горстку полотенец на полу рядом с ним. Когда я села на них, они зашатались, и я, замахав

руками, чтобы не упасть, свалилась на стопку белья. Мы рассмеялись. – А где Джон?

– Джон в городе. Он не хочет приезжать сюда, но, конечно же, мы работаем над тем, чтобы помочь тебе. У тебя есть адвокат. Он должен вскоре появиться здесь. Я просто хотел проверить, может, тебе что-нибудь нужно.

– У меня есть записка, спасибо. Когда я смогу отсюда выйти?

– Как только они снизят сумму залога. Сейчас эта сумма пятьдесят тысяч.

– Я не понимаю, как это могло произойти? – простонав, спросила я. – Что пошло не так, почему?

– Я слышал, что чиновник что-то заподозрил, когда ты попросила паспорт, потому что в тот момент ты плакала, или что-то в этом роде.

– А, мой глаз! У меня был платок, которым я закрывала глаз. И я вовсе не плакала. Вот же дерьмо!

– Ну, он подумал, что ты плакала, и это было подозрительно.

Генри посидел со мной недолго, но этого хватило, чтобы перевернуть всю кладовку вверх дном. Каждый раз, когда мы жестикулировали, что-нибудь падало с полки. К тому времени, когда он уходил, мы были по колено в полотенцах и громко смеялись.

Потом, в тот же день появился и настоящий адвокат. Мы встретились в более официальной комнате для адвокатов и их клиентов. Этот парень был совсем не таким забавным.

– Не думаю, что вы понимаете, насколько все это серьезно, – сказал он без улыбки. – Сумма наличных, которая у вас была с собой... Им любопытно, откуда она у вас появилась.

– Сколько у них моих денег? Они ведь не заберут их себе?

– Более чем пять тысяч. – Он посмотрел на газету в своей папке. – Пять тысяч триста пятьдесят семь долларов. Столько ведь было у вас с собой денег, не так ли?

– О, это хорошо, а то уж я начала волноваться.

– А что, есть еще деньги?

– Да, в отеле. Я оставила примерно пятнадцать тысяч в банковском сейфе. Я рада, что они не нашли их.

– В НАЛИЧНЫХ ДЕНЬГАХ?

Когда я кивнула, он тяжело вздохнул.

– Ну посмотрим, что можно будет сделать.

– Пожалуйста, вытащите меня отсюда поскорее.

Наконец-то, хоть и не на той же неделе, а несколько дней спустя, мой скучный адвокат преуспел в том, чтобы уменьшить залог до десяти тысяч долларов, из которых я должна была заплатить только десять процентов.

В зале суда был просто бунт какой-то. Я ошалела от всех этих вопросов, которые задавала мне судья. Я не могла рационально ответить на них, и это грозило мне провести следующие двадцать лет в тюрьме.

– Почему вы просили паспорт под вымышленным именем?

– О, я просто думала, что это будет забавно иметь такой паспорт некоторое время.

– Почему вы зарегистрировались в отеле на другое имя?

– Та же самая причина, только чтобы быть кем-то другим.

– Сколько имен вы использовали?

– О, кучу.

Зал суда был заполнен людьми. Они замечательно проводили время. Их смех становился все громче с каждым вопросом, на который я отвечала. Я стояла с беспорядочно торчащими светлыми волосами, обутая в одну красно-белую туфлю на высоком каблучке и в одну синюю. Полуметровая бахрома раскачивалась при каждом моем движении, глаза были широко открыты – я старалась выглядеть невинной.

– Что вы делали с пятью тысячами долларов в наличных деньгах? – спросил судья.

Сделав недовольную гримасу, я простонала.

– Ох уж эти American Express. Тьфу! Я потеряла однажды свои дорожные чеки и не вернула назад свои деньги. Ну и хлопот они мне подкинули тогда. НЕНАВИЖУ American Express! – произнесла я, топнув ногой.

Суд ржал.

– ТьФУ! – продолжала я. – Ох уж все эти формы! Как я могу запомнить все эти числа на чеках? У меня были числа! Но я не знала, какие чеки я уже потратила! Как я, предполагалось, должна была все это знать? Я послала квитанции мамуле на хранение. Они ведь СКАЗАЛИ, чтобы я держала квитанции в безопасном месте! Они СКАЗАЛИ, чтобы я держала их отдельно от чеков. Как я могла отслеживать числа, если они были на другой стороне планеты? Никогда не буду использовать American Express снова! – громко сказала я, ударив кулаком по столу.

Суд ревел.

– А еще American Express не держит почту достаточно долго. Они отсылают ее назад. Или вообще выбрасывают. Thomas Cook намного лучше.

Когда пришло время заплатить залог, появился Генри, держа в руках наличные. Все в десятках и двадцатидолларовых купюрах. Он начал считать и затем сбился. Пришлось заново все пересчитывать.

Несмотря на то, что внимание суда в этот момент переключилось на что-то другое, подсчеты и раскладывание по пачкам мятых купюр уже сильно раздражало судебного чиновника. В итоге чиновник попытался помочь ему подсчитать, но также сбился из-за шума зрителей и стал пересчитывать снова.

Залог заплатили, но я должна была вернуться в зал задержания для официальной проверки. Это значило, что мне нужно было сделать еще одну поездку в немаркированном автомобиле, с наручниками, прикованными цепью. Снова мне пришлось прятать наручники под длиной бахромой.

Я не знаю, как бы справилась без нее.

Когда я наконец-то приехала оттуда, то обнаружила Джона, прячущегося за колонной.

– Яблококрокод! – радостно произнесла я, прижав его к колонне. Ступеньки зала задержания были не самым кайфовым местом, чтобы проявлять свои чувства. – О, Яблококрокод, я скучала по тебе. Не смотри на меня, я такая неудачница, – произнесла я, зарывшись лицом в его шею.

Джона никогда не арестовывали, он был слишком умен.

У меня не было оправдания за глупость, из-за которой меня посадили в тюрьму, особенно после того, что я проигнорировала все знаки. Простая глупость. И так как я верила, что моя старая добрая интуиция не упустит таких знаков, а это все-таки произошло, то это могло означать лишь одно – я потеряла ее. Моя бдительность, осторожность, логическое мышление, мой старый верный мозг – все это стало куда-то уходить. Может быть, пришло время заняться чем-то другим.

Тем временем мое испытание было далеко от завершения. Через шесть недель я должна была прийти на судебное слушание. Мы с Джоном нашли студию в Trinity Apartments, в роскошном комплексе, которую арендовали на месяц. Там был бассейн, спортзал, сауна, шикарные плюшевые ковры в коридорах. Эх, это было великолепно.

Сан-Франциско изобиловал гоанскими фриками, большинство из которых жили недалеко за городом, в округе Мэрин. Когда теле-

фон впервые зазвонил в нашей новой квартире, днем, мы с удивлением услышали знакомый французский акцент.

– Привет, это Клео? Это Сесиль говорит... Можно к вам в гости?

Наша квартира быстро стала притоном как для друзей из города, так и для приезжих. Каждый день к нам приезжали Сесиль и Джек из Техаса. Ричард приходил без предупреждения. Трубочка Стив заходил со своим сынишкой, Анджуной, который подросток и превратился в маленького мальчика. И, конечно же, Маленькая Лиза. Лиза была постоянно закреплена за квартирой. Она приходила рано утром и уходила я не знаю когда, обычно тогда, когда я уже спала. И был еще адвокат Генри. Он не торчал на героине, но ему точно нравился кокс. В отличие от Джона и меня, Лиза предпочитала вмазываться наркотиками, как герычем, так и коксом. Обычно она этого не делала в нашем присутствии, но Джон всегда глумился, когда видел следы от игл на ее руках.

Как только мы разместились в Trinity Apartments, Джон тут же нашел поставщиков кокса и начал курить фрибэйс – очищенные кристаллы кокаина. У него были для этого трубка и специальная горелка, из которой шло пламя, словно от паяльной лампы. Я попыталась «пофрибэйситься» несколько раз, но поняла, что это пустая трата времени. Этот способ требовал большого количества кокаина, а я не была уверена в своем будущем юридическом статусе и старалась контролировать свои расходы.

– Нет, спасибо, я буду курить свои наркотики и нюхать свой кокс, если вы не возражаете...

Так как Джон стал все больше и больше увлекаться своими «игрушками», Лиза также становилась все более открытой. Но все же она продолжала втихаря, стараясь скрывать это от Джона, вмазываться в ванной. Каждый день приходил Генри в опрятном костюме и галстуке. Ему также понравилось вмазываться коксом, поэтому он с охоткой присоединялся к Лизе в ванной. На несколько часов. Укол за уколом, укол за уколом, и так они стояли там час за часом. Тук-тук-тук. Эй, вы, ребята, мне нужно попасть в ванную. Эй, вы меня понимаете? – спрашивала я из-за двери.

– Подожди одну, блядь, минуточку, – обычно отвечала Лиза.

А я терпеливо дожидалась за дверью, откуда доносились звуки их беседы. Что-то могло упасть на кафельный пол, но никто не собирался открывать дверь.

Бам-бам-бам.

– Вы выходите? – могла крикнуть я, стуча ногой об дверь. – Мне правда нужно в туалет.

– Всего лишь вмажемся и выходим, подожди гребаную минутку. Мы освободим тебе туалет после этого гребаного укола.

Беседа продолжилась тем же самым неторопливым тоном. Я слышала, как текла вода из смывного бачка, затем был грохочущий шум от разворачивающегося рулона туалетной бумаги.

Бам-бам-бам.

– Ли-и-и-за-а-а!!! – уже нараспев кричала я. Никакого ответа на сей раз. Та же самая беседа. Что-то еще упало на пол. Звук зажигающейся спички.

Бам-бам-бам!!!

– Давай же! Мне нужно всего на минутку, а потом оккупируй туалет снова. Генри?

Я дергала ручку и пинала дверь, покрывая ее следами моей обуви.

Бам-бам-бам! Впустите меня! Мне нужно срочно поссать!

Бам-бам-бам! Тон их беседы не менялся. Снова звук смывающейся воды, обувь, шуршащая по кафельной плитке. Так я снова возвращалась к столу, где царствовал Джон со своей фрибэйсовой трубкой. У него я могла попросить утешительную дорожку кокса. Когда Лиза и Генри наконец выходили, они стояли у двери, напряженно ожидая возможности поскорее возвратиться вовнутрь. Без галстука и пиджака, в мятой, потерявшей свежесть рубашке, Генри мог сидеть там с Лизой по несколько часов. Когда я выходила, они бросали на меня осуждающий взгляд и мчались внутрь, даже не дождавшись, пока вода в смывном бачке прекращала журчать.

– Ну, давайте же, быстрее! Я была там всего тридцать секунд! Неужели этот парень и вправду адвокат? – могла крикнуть я уже через закрытую дверь.

В нашей квартире всегда была толпа. Надо было всегда перешагивать через кого-то и кого-то обходить, чтобы добраться от одной комнаты до другой. Удачно проворачивая свои дела, Джон не стеснялся удовлетворять свои желания и играл роль хозяина. Мы с ним обычно сидели на раскладной кровати, а гости располагались на полу, в пределах досягаемости бонга и трубки для фрибэйса.

Я все чаще раздражалась. У нас никогда не было частной жизни. Я хотела быть с Джоном одна! Когда вокруг нас были люди, я была не с ним, я была на вечеринке. Но с Лизой было хуже всего. Несмотря на то, что я должна была умолять ее и заключать с ней сдел-

ку каждый раз, когда хотела попасть в ванную, она всегда была с нами. Если я спала, то ее утреннее прибытие будило меня. Если я собиралась заснуть, то ее голос или звук проточной воды в ванной были последними звуками, которые я слышала перед сном.

– Эй, ДЖОН! Где гребаные сигареты? – доносился откуда-нибудь ее требовательный голос.

Я регулярно навещала своего не улыбочивого адвоката. Его слова были столь же обескураживающими, как и его лицо.

– Как я понимаю, на сегодняшний день самая большая проблема, которая у нас есть, это судья, которого назначили вам, – сказал он мне как-то с каменным лицом.

– Он плохой?

– Он серьезный. Очень серьезный. У него репутация – давать максимальное наказание. Особенно в случаях, когда вовлечена контрабанда наркотиков.

– Контрабанда! Какая контрабанда? Они взяли меня из-за паспорта! Не улыбочивый еще больше нахмурился. Тяжело вздохнув, я откинулась на его хрустящем кожаном кресле.

– Хорошо, – сказала я. – И что теперь, я должна покинуть страну?

Моя фраза встряхнула его так, что он аж подскочил.

– Что? Нет! Вы не должны этого делать. Тогда у вас действительно будут большие проблемы. Потерпите, и потом посмотрим, может быть, я добьюсь смягчения наказания, и еще я все-таки попробую добиться, чтобы вам сменили судью.

– Пожалуйста, ну пожалуйста. Мне никак нельзя попасть в тюрьму. Я и испытательного срока здесь не выдержу. Я не живу в Сан-Франциско. Мой дом находится в Гоа, поэтому я не могу оставаться здесь надолго. Они ведь не заставят меня остаться здесь, не так ли?

– Посмотрим, что я смогу сделать, – ответил он, закрыл глаза и помассировал себе переносицу. – В любом случае, надо явиться в суд в назначенную дату.

– Нет! Я должна вернуться в Индию. Я не могу оставаться здесь больше.

– Я же говорю, мы должны сменить судью, – растерянно продолжил он.

У Джона мне тоже было некомфортно.

– О, Яблококрокод, – начала рассказывать я, встав на кровати на колени.

Я теребила его волосы, стянутые хвостиком, а он, улыбнувшись, обнял меня и убрал в сторону трубку для фрибэйса.

– Как прошла встреча с адвокатом?

– Он сказал, надо судью...

Но нас снова перебила Лиза, выглянувшая из ванной.

– Эй, ДЖОН! Ты не мог бы мне бросить эту чертову сумку.

– Мне назначили действительно плохого судью...

– Эй, ДЖОН! Ты что, в уши долбишься? Брось мне эту проклятую гребаную сумку.

Джон умышленно игнорировал ее.

– Ты не передашь трубку, если уже закончил? – попросил его Джек из Техаса, протягивая руку.

Джон начал было передавать ее, но затем решил еще покурить несколько кристалликов, прежде чем передать ее толпе. Его хвостик выскользнул из моей руки, когда он наклонялся за ложкой.

– ... Видимо, он может дать максимальное наказание... – К этому моменту Лиза уже вышла из ванной и нависла над нами, пнув Джона ногой.

– Эй, ебанный в рот, дай-ка мне сумку, – сказала она уже более мягким тоном.

– Чего? – спросил он ее, уже злобно.

– Ту проклятую сумку, которая прямо рядом тобой.

– Адвокат пытается уменьшить мое обвинение, чтобы передать мое дело другому судье, но...

– Что за еб вашу мать вы смотрите? – перебила меня Лиза, уставившись в телек, который не выключался двадцать четыре часа в сутки.

– О, чувиха, это потрясное кино, – ответил он, наконец-то дав ей сумку. Оно про ограбление поезда...

– Такие грабежи теперь не сойдут так просто с рук, – сказала Сесиль, вмешавшись в разговор.

– Раньше вы могли остановить поезд посередине пути, – добавил Ричерд.

– Ограбление почтового поезда... – вздохнув, сказал Джон, словно он был свидетелем того времени.

– В прохладном горном укрытии... – тут же подключившись к беседе, добавил Джек из Техаса.

– Добрые старые времена...

– Теперь у них есть гребаные компьютеры... – добавила свое грубое веское слово Лиза.

– У кого бонг? – перебил всех трубач Стив.

– Он здесь, минуточку, – сказал кто-то из-за дивана.

– Никто не будет возражать, если я допью лимонад? – произнес чей-то голос от холодильника. – А то тут последняя бутылка.

Наконец-то пришел день моего суда. Неулыбчивый адвокат преуспел в том, чтобы сменить судью на нового, который был не такой суровый. Обвинение против меня было уменьшено до статуса «проступок», что значило кражу правительственной собственности менее чем на пятьдесят долларов. Неулыбчивый был полон оптимизма от полученного результата.

Он сопровождал меня к зданию суда, где мы должны были ждать в зале перед входом. Я была одета в свое скучное бежевое платье и дурацкие туфли, которые надевала в самолет. Когда я проходила сквозь двойную дверь зала суда, мое внимание выхватил лист бумаги.

– О, боже! Смотрите на это! Большими буквами бумага заявляла: Соединенные Штаты Америки против... – МЕНЯ? Хихикнув, я тут же закрыла ладошкой рот, чтобы не привлекать внимание окружающих. Я подбежала к моему Неулыбчивому, что-то пристально разглядывающему в окне. Схватив за рукав пиджака, я потянула его к двери.

– Посмотрите! Поверить не могу. Посмотрите, посмотрите. Здесь про меня! «Против СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ»! Не абсурдно ли это?

– Так всегда происходит, когда вы нарушаете закон. А что вы ожидали? – произнес он, нахмурившись от моей ухмылки, и покачал головой.

– Да нет... Я имею в виду... но... это ведь невероятно!

Он просто меня не понимал.

Зрители в этом зале суда также наслаждались моей внешностью. Я приехала полностью вооруженная своим очарованием, чтобы убедить судью в том, что я уважаемый и добропорядочный гражданин. Неулыбчивый вручил судье мое портфолио для модельного бизнеса и пакет рисунков.

– Что это такое? – спросил судья, держа листки бумаги.

– Гм, я полагаю, что это *Euproctis similis*, – ответила я, показывая существо, похожее на мотылька. – А еще вот *Kosciuscola tristis*, точнее, самец этого насекомого.

– Нет. Я имею в виду, что это все значит...?

– Насекомые.

– Вижу. Я имею в виду, почему вы показываете мне их?

– Ну, видите ли мой жених – энтомолог, и он путешествует по миру, чтобы исследовать новые виды насекомых. Я езжу с ним и помогаю, зарисовываю и вношу в каталог. Но видите ли, он обыч-

но путешествует на Востоке, и в последнее время я испытывала большие затруднения, возвращаясь в нашу страну. Вы бы видели, что таможенники сделали с моим чемоданом в аэропорту Кеннеди! Я подумала, что вот был бы у меня паспорт на другое имя, это облегчило бы мне жизнь. Иногда меня задерживали на несколько часов...

Неулыбчивый сказал судье, что это было моим первым преступлением, и указал, что моя попытка приобрести паспорт была дилетантской.

– Напротив, – сказал судья. – Ее способ был очень даже профессиональный.

Тогда Неулыбчивый объяснил, что я научилась этому, прочитав книгу «День Шакала» Ф.Форсайта, и точь-в-точь повторив действия главного героя книги.

– «День Шакала»?

Неулыбчивый представил ему копию книги, которую он пролистал на выходных, чтобы найти правильный подход к судье, но которую он, к сожалению, видимо так и не прочитал.

– А где именно в этой книге?

– Ну, где-то там, – ответила я. – Мы просто еще не нашли этот эпизод.

На это судья выступил с тирадой против наркотиков, против их контрабанды, против людей, которые покидают нашу страну. Закончил он, говоря что-то о том, что если я не хочу жить в этой стране, то я здесь и не нужна никому. Его слова были настолько сильны, что мое тело стало колотить. Словно какой-то крючок вцепился в мозг, и нажимал на все, что я слышала.

– ...Послеэтоговсегомынехотимчтобывынаходилисьздесь...

Независимо от того, о чем был его заключительный декрет, я ничего не поняла. Я даже не поняла, что происходит, когда Неулыбчивый выводил меня из зала суда.

– Так что же в итоге? – спросила я его в коридоре.

– Что вы имеете в виду, «что в итоге»? Вы же были там и слышали то, что он сказал.

– Нет, я пропустила последнюю часть. И что он сказал?

– Вы должны заплатить штраф.

– С испытательным сроком?

– Разве вы не слышали его? Он же человеческим языком сказал, чтобы вы убиралась за границу, потому что здесь вы никому не нужны.

– Рр-р-р-р-р-рр! – в экстазе издала я радостное рычание и запрыгнула на Неулыбчивого, став качаться на нем. Это продолжалось, пока он не натолкнулся на стоящую на полу металлическую пепельницу. После того, как он вырвался из моих объятий, я как сумасшедшая бросилась танцевать прямо в коридоре федерального здания. Изобразив пируэт, я бросила свою сумку на пол и сделала попытку станцевать мексиканский танец «шляпы с длинными краями»

– Ля кукарача, ля кукарача....

Когда я начала канкан, Неулыбчивый потянул меня к лифту, толкая впереди себя.

– Я могу вернуться в Гоа?

– Можете езжать куда вам угодно.

Я со всех сил сдерживала себя, ощущая невероятную радость, которая, казалось, вот-вот разорвет меня.

– Йухууу!!! – напевала я уже потише, когда мы спускались в лобби.

Теперь я просто хотела поскорее свалить отсюда. Из Сан-Франциско. Из Штатов. Подальше от Маленькой Лизы. Подальше от всей этой толпы. Я потратила слишком много денег на Западе.

Когда я сообщила Джону решение судьи, он, отодвинув в сторону трубку для фрибэйс, поздравил меня поцелуем. Затем он сообщил мне новости. Джиджи умерла.

– Джиджи? Мы же видели ее в Бомбее.

– Марко в тюрьме, в Европе.

– О, нет! А что же с их дочкой?

– Она с сестрой Марко.

– Бедная Джиджи. Она никогда не увидит свой свадебный фильм. Мне так грустно. – Как это случилось?

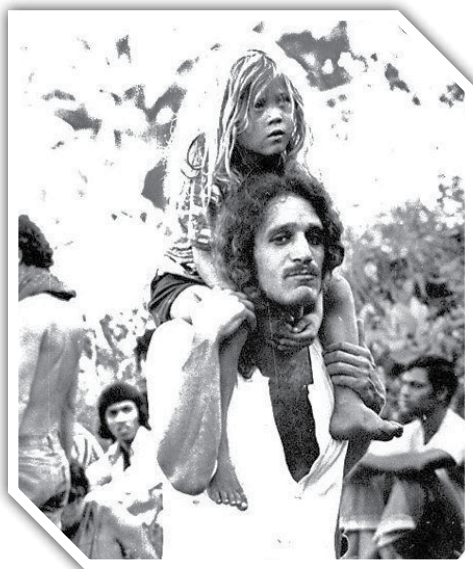
– Мы не знаем подробностей, – сказал Ричард. – Она была очень симпатичной. Это все из-за гердоса.

Хотя Ричард и любил кокс, он был против героина, так же как несколько лет назад был Нараян на Бали.

– Дело не в героине, – вступилась я, защищая свой любимый наркотик. – Все дело в коксе. Вы бы видели, как я пережила тот муссон. Теперь, без него, я сплю каждую ночь и покупаю кальций и витамин В. Надо бы купить себе витаминов, потому что я собираюсь в ближайшее время вернуться на Восток. Хочу улететь на этой неделе.

– Ты поедешь в Индию со мной?

– Я встречу тебя в Бангкоке. Сможем забрать нашу записку.

Стив и его сын Анджуна

– О, точно! В отеле Royal! Пошлю им телеграмму, чтобы забронировать номер. Какая у нас там была комната, 409? Надеюсь, что никто не нашел там нашу нычку и не вызвал полицию.

Остальную часть ночи мы курили прощальный бонг в честь Джиджи.

Оттелеграфировав в Таиланд, чтобы забронировать номер 409 для моей «годовщины свадьбы», я купила билеты и стала собираться.

На сей раз я взяла China Airlines и сделала по пути двухдневную остановку в Тайване.

Когда я добралась до бангкокского отеля и попросила наш номер, портье пришел в замешательство. Ах, да, азиатские портье. Помните их? Я должна была помнить.

– Я специально забронировала именно номер 409, – орала я. – Мы с мужем в прошлом году в нем провели медовый месяц. Сейчас у нас годовщина, и я хочу удивить его. Завтра он приезжает. Да, у них была моя бронь, но, к сожалению, комната 409 была занята.

– Когда в нее вселились? – спросила возмущенно я.

– Вчера, но мы очень сожалеем.

– Но ведь я послала вам телеграмму на прошлой неделе!

Портье пожал плечами.

– Мы можем дать вам 407-й номер, он по соседству. А как только ваш номер освободится, мы вас туда переселим.

– А можете вы попросить тех, кто там живет, поменяться с нами номерами? Кто там остановился?

– Две канадских леди, – сказал он мне после проверки регистра.

Я ворчала и проклинала всех с самым недовольным лицом, пока меня вели в комнату, которую не хотела.

Я волновалась, что полиция могла бы быть наготове, хотя никто даже не обратил внимания на мою бронь. Или же они были в курсе? Надо быть осторожной на случай, если они нашли мою записку и сидели в засаде, ожидая меня.

Как только мои сумки оказались в номере 407, я, сделав невинное лицо, постучала в 409-й.

– Привет. Простите, я искренне не хочу вас беспокоить, но... – Женщина у двери не очень была рада меня видеть. Очевидно, ее подруга была больна, потому что она смотрела на меня с кровати тусклыми глазами.

– Я заранее послала им телеграмму, чтобы забронировать эту комнату, но кто-то сделал ошибку...

– Моя подруга больна, – ответила жительница номера 409. Я не хочу поднимать ее из постели.

– Это НАСТОЛЬКО важно для нас. Мы специально вернулись в Таиланд на нашу годовщину. Пожалуйста, я знаю, что это неудобно, но наша комната по соседству, и я помогу вам перенести все вещи. О, ну пожалуйста, пожалуйста.

Она не смогла сказать «нет». Больная встала с постели и вскоре упала на кровать в моем номере. Мы с ее подругой носили багаж, зубные щетки, сохнувшее нижнее белье из одной комнаты в другую. На все ушло не более пяти минут.

– Огромное вам спасибо. Я даже не могу передать, насколько я вам благодарна. Это действительно очень важно для нас.

Оставшись одна, я тут же бросилась в ванную, сняла дверцу и сунула руку в волнительную темноту.

Да! Я нащупала в дальнем углу полиэтиленовый пакет! Он был там! Он все еще там! Я вытащила его с таким предвкушением, что даже мышинное дерьмо, в котором он был испачкан, радовало меня. Порошок впитал влагу, пропах и немного заплесневел. Дорожка, трубочка из купюры... м-м-м-м-м! Еще одна дорожка... м-м-м-м-м! Он

все еще хороший. После часа хорошего курения бонга запах перестал казаться заплесневелым на вкус. Я поразила своим мыслям. Нужно было отложить извлечение моего сокровища из-под ванной хотя бы на день. Так было бы мудро, ведь я знала, что существовала опасность попасть под рейд антинаркотической полиции. Но я рисковала. Еще пару лет назад я бы выждала подходящее время. Пару лет назад я была значительно умнее. О, боже! Сначала я проигнорировала все знаки, говорящие, что ФБР искало меня, а теперь я разношиваюсь наркотиком, оставленным в гостиничном номере, совсем не дождавшись подходящего момента. Моя осторожность и здравый смысл окончательно оставили меня.

Но моя удача все еще была где-то рядом, и поэтому никто не пришел, стуча в дверь. Следующим утром я выписалась отеля. К счастью, меня не признал портъе, да и мне не нужно было докладывать об изменении своих планов. Я зарегистрировалась в другом отеле, чтобы дожидаться Джона.

Дни проходили, а Джон все не появлялся. Чем больше дней я ждала, тем раздраженнее становилась, вспоминая Маленькую Лизу и толпы непонятных людей, тусующихся у нас с позволения Джона двадцать четыре часа в сутки. Прошло две недели с той даты, когда должен был приехать Джон, и я решила двигаться дальше без него. Прошло столько много времени с тех пор, как мы виделись последний раз, и меня радовало то, что я не скучала по нему. Я летела в Индию одна.

Прибытие в Бомбей в самом начале сезона волновало меня так же, как всегда. Было слишком рано для сезона, а муссон уже подходил к концу. Заходя в заведение Дипти, я снова чувствовала себя воином, который вернулся победителем с поля боя. Может, у меня и были не самые лучшие времена за последние годы, но я пережила их и возвращалась сейчас с деньгами и наркотиками. Теперь у меня действительно были интересные истории, которыми можно было бы поделиться.

У Дипти было битком, и все в приветствии замахали мне.

– Привет, Клео. Как прошел муссон?

– Великолепно! Вы бы видели, что эти козлы сделали с моим чемоданом в аэропорту Кеннеди...

Я хотела остаться в Бомбее на то время, чтобы успеть купить новые вещи для моего дома. Мне нужны были новые ковры и сари,

чтобы задрапировать потолок и стены. А еще я очень хотела собаку. Зная, что на Кроуфорд-маркет был отдел с животными, я села в такси, попросив по дороге заехать в опиумную курильню. На рынке меня тут же окружили мужчины, предлагая себя в роли гида или грузчика. Я выбрала одного и тут же решила проблему в том плане, что больше не надо было отбиваться от других.

После того, как я сказала ему, что хотела бы купить, индус побежал впереди меня, забегая в лавки с сари и разворачивая их прямо перед моим лицом. Я следовала за ним, переступая корзины с джекфруктами, кастордэпалами и живыми змеями, стараясь не наступить куда-нибудь ногой. Он вел меня сквозь горы рыбной пасты, мимо лотков с контрабандной кока-колой. С недавних пор правительство выгнало эту компанию из Индии, отчего этот напиток вырос в цене на черном рынке до двух долларов и стал еще более популярным у фриков. Достигнув секции животных, человек с рынка показал на дряхлую картонную коробку, в которой сидел на соломе и тьявал крошечный пушистый комок. Я полюбила его с первого взгляда.

Породистый померанский шпиц, трех недель от роду и десятью сантиметрами длиной, стал частью моей жизни. Красивый, белый и пушистый, он напоминал мне героин. И лучшее имя, которое ему подходило, было Бах. Так звали красивого мальчика, любящего гердос, которого я повстречала в Амстердаме.

В отеле Риц портье, скривившись, взял с меня слово, что я буду держать Баха в ванной и не пускать на ковер. О, маленький Бах. Мне очень не хотелось покидать его даже на минутку. Из-за него я реже стала посещать Дипти. Но однажды я столкнулась там с Нилом.

Нил! Мы поцеловались и обнялись, а потом долго держали друг друга за руки, рассказывая наши приключения в муссон.

У Нила были проблемы. Второй муссон подряд он был не в состоянии заработать денег. У него не было ни денег, ни каких-либо наркотиков, ни места, где жить. Раньше у него всегда было что-нибудь для поддержки своей зависимости, поэтому «никаких наркотиков» сейчас значило «жить без удовольствия». Он спросил, не могу ли я приютить его вместе с Ив и Ха, пока они не уехали в Гоа.

Конечно. И снова я была счастлива помочь ему. Я даже сказала, что дам ему половину своей заначки, которую привезла из Таиланда, чтобы он мог, приторговывая, заработать денег на очередную аферу.

В отеле я положила один из матрасов с моей двойной кровати на пол, и мы все четверо спали бок о бок. Я выбрала матрас на полу, чтобы быть со своим Бахом. Хотя он был у меня всего пару дней, свое пушистое тельце он укладывал на меня. Ха, конечно же, тоже сходила от него с ума.

– Бах! – радостно вопила она. – Собака Кео!

Нил, Ив, и Ха в конечном счете уехали не в Гоа, а в Пуну, где был ашрам Ошо. Я уехала в Гоа, взяв каюту на кораблике. После покупок мой груз заполнил все ее пространство. Мой замечательный щенок спал прямо на моем лице, несмотря на блох. Утром, когда мы причалили в Панджиме, я попыталась убрать кашки, которые он навалил на подушку, но бросила эту затею и запихала подушку под простыню.